

ИСТОЧНИКИ О ХЕРИХОРЕ

В 1904 г. В. Врещинский опубликовал специальную работу о верховных фиванских жрецах, в которой были подобраны источники, связанные с деятельностью Херихора [578]. В 1914 г. в третьем томе своего фундаментального труда А. Готье суммировал различные тексты, упоминающие жреца-«царя» Херихора и членов его семьи [258, с. 220—240]. В 1929 г. в большом исследовании, посвященном истории верховных жрецов Амуна, Г. Лефевр дал краткий перечень и характеристику всех известных ему документальных свидетельств о Херихоре [368]. Соответствующую сводку данных о Херихоре включили в свой библиографический справочник Б. Портер и Р. Мосс [464, т. I, ч. II, 1964].

Каковы же те исторические памятники, которые рассказывают нам о Херихоре и его времени, о Херихоре, которого Б. Прус в романе «Фараон» изобразил могущественным соперником последнего Рамессиды?²

I. Большой комплекс иероглифических текстов и изображений, начертанных на стенах гипостильного зала, переднего двора, пилона, а также проходов из гипостильного зала в святилище и в передний двор храма Хонсу, входящего в карнакский храмовой ансамбль [137, т. IV, § 609—626; 142, т. I, с. 39, табл. XXI, т. II, табл. LVIII, № 5; 158, т. II, с. 222—237; 258, т. III § III—IV, XII—XVII; 381, ч. III, с. 222 и сл., с. 243, а, b, с. 244, а, b, с. 245, b, с, с. 279, а, b, с. 248, а, b, с, d, e, f, с. 300, № 75; 396, с. 548—678; 397, с. 76—77; 482, т. III, табл. CCIV]. (Храм Хонсу Херихор облюбовал для фиксации надписей и изображений аналогично тому, как восточную стену между VII и VIII пилонами Карнака и примыкающую к ней молельню времени Тутмоса III избрал для сходных целей «первый жрец» Амуна-Ра, царя богов, Аменхотеп³.)

II. Обстоятельный текст на цоколе и на развернутом свитке папируса в руке сидячей статуи Херихора-визиря из серого гранита, найденной в 1904 г. в тайнике Карнака [375, т. II, с. 59, № 42190, табл. LII]. (Текст специально исследован Г. Лефевром [285, § VIII; 367, с. 63—68].) [С. 119]

III. Надпись на сфинксе из храма Мут в Карнаке [258, § VII; 396, с. 661].

IV. Стела Лейденского музея (Leiden V, 65), на которой имеется изображение Херихора и его жены Неджемт [130, т. VI, с. 13, табл. XXVIII; 258; § IX, с. 234, примеч. 1; 347, с. 41, 165; 396, с. 678].

V. Надпись на большой неизвестного происхождения фаянсовой вазе из Каирского музея [124, с. 61, примеч. 3795; 258, с. 236, табл. XVIII; 347, с. 21, примеч. 91]⁴.

VI. Краткие записи с упоминанием Херихора (визиря), начертанные на гробах Сети I и Рамсеса II при их перезахоронении [137, т. IV, 288, § 593, 594; 185, с. 30, 32, табл. XVI, XVIII, XX, XXII, № 61019, 61020; 258, § I—II; 396, с. 553, 557, фиг. 15, с. 724, 726, табл. Ха, XI, XIa, XIв].

VII. Текст «Путешествия Ун-Амуна в Библ», в котором Херихор назван дважды (стк. 1, 15; 2, 26) и еще два раза подразумевается как обладатель титула «первый жрец» Амуна (стк. 1, 52; 2, 61) [40].

VIII. Остракон Каирского музея № 25744 [174].

IX. Иератический папирус с текстом «Книги мертвых», происходящей из тайника в Дейр эль-Бахри и принадлежащий жене Херихора Неджемт, ныне хранящийся в Луврском [185, с. 40—50; 347, с. 40—43, § 37—38; 396, с. 648, 650, 677; 432, с. 29—32; 578, с. 22], Мюнхенском [347, с. 42, § 38, № 175; 396, с. 512, примеч. 1] и Британском музеях [523, с. 14—15, № 10541]⁵.

X. Два гроба с мумией жены Херихора Неджемт, найденные в Дейр эль-Бахри [185, № 61024; 347, с. 43, примеч. 181; 396, с. 569, 570, 592, табл. XIXa; 527, № 61087]. (Место захоронения самого Херихора неизвестно. Его гробница и мумия не обнаружены.)

XI. Три письма времени Пианха, в которых упоминается жена Херихора Неджемт (Pap. Berlin, № 10487, 10488, 10489) [171, № 21, 34, 35; 220; 347, с. 40—42, § 37, 38; 563, с. 53, 69].

XII. Четыре письма времени Пианха, в которых фигурирует некая Херера [Pap. Turin, 1973; Pap. Brit. Mus., № 10100; Pap. Turin (unnumbered); Pap. Turin, 2069; 171, № 2, 30, 38, 39; 563, с. 20, 65—66, 74—75, № 12, 30, 38, 39], скорее всего жена Пианха, ранее ошибочно отождествляемая с Херерой — матерью Неджемт (т. е. с тещей Херихора) [120, с. 311; 168, с. 33; 242, с. 303; 335, с. 8; 347, с. 43, примеч. 187—188, с. 44, примеч. 189, 190, 191; 564, с. 173, примеч. 145].

XIII. Стела от 7-го года эры «Повторения рождений», в которой сын Херихора Пианх (предполагаемую Эд. Ф. Венте вероятность отсутствия сыновних связей Пианха с Херихором [566, с. 36—38] мы рассмотрим ниже) фигурирует в качестве «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов [116, с. 111; 168, с. 35—36; 242, с. 305; 306, с. 35—36; 317, т. II, гл. XIII, с. 102, примеч. 5; 318, с. 439; 335, с. 14—15; 347, с. 17—23, примеч. 75- [С. 120] 76, 81—87, § 16—19; 437, с. 157—162; 564, с. 175; 576, с. 306—307; 580, с. 99, 109—110, 112, примеч. 64].

Таковы те источники, которые могут быть использованы при воссоздании основных этапов жизненного пути Херихора и при характеристике того фиванского «государства бога» Амуна, которое он возглавил. К сожалению, большинство этих источников не датировано, что, конечно, весьма затрудняет их интерпретацию. Определенная датировка по годам эры «Повторения рождений» содержится лишь в некоторых документах: в стк. 1 из текста «Путешествия Ун-Амуна в Библ» (иератический папирус ГМИИ им. А. С. Пушкина, № 120) («Год 5-й, месяц 4-й периода шему, день 16-й»)⁶; в записях, начертанных на гробах Сети I и Рамсеса II при их перезахоронении («Год 6-й, месяц 2-й периода ахет, день 7-й» и «Год 6-й, месяц 3-й периода перет, день 15-й») [137, т. IV, с. 288, § 593, 594; 185, № 61019, 61020, с. 30, 32, табл. XVI, XVIII, XX, XXII; 258, с. 220, 233, примеч. 1; 347, с. 248, примеч. 31; 367, с. 64; 396, с. 553, 557, 724, 726, табл. XIa, XII; 563, с. 3, примеч. 13]; в стк. 10 оракула, зафиксированного на стеле, изданной Ч. Ф. Нимсом («Год 7-й «Повторения рождений», месяц 3-й периода шему») [437, с. 157—162]; в одном из писем времени господства в Фивах Пианха (что позволяет датировать и несколько других писем этой же серии) («Год 10-й, месяц 1-й периода шему, день 25-й»), Pap. Brit. Mus., № 10326 [171, № 9; 563, с. 37, № 9, см. также с. 12]. [В некоторых текстах, в которых при датировке точное указание года эры «Повторения рождений» отсутствует, сохраняется упоминание о Рамсесе XI, что свидетельствует о составлении этих текстов во время правления именно этого последнего фараона Рамесседа. Особо отметим, что среди документов, относящихся к деятельности Херихора, нет ни одного, датированного по годам царствования Херихора фараона или царствования (в Танисе) Несубанебджеда (Смендеса).]

Среди всех вышеперечисленных источников лишь надписи, начертанные в Карнакском храме Хонсу, содержат почти полный набор известных нам титулов Херихора, в том числе и тех, которые аттестуют его как фараона. О Херихоре-фараоне речь идет в надписях, зафиксированных в переднем дворе храма Хонсу, в проходах из гипостильного зала храма Хонсу в святилище и в передний двор, а также на фасаде пилона, обрамляющего передний двор. Кроме того, царский сан Херихора подтверждается еще, как мы полагаем, в одной строке записи в большом гипостильном зале Карнака («сын Амуна») и в тексте на фаянсовой вазе из Каирского музея. Херихор характеризуется как фараон также и в уже упоминавшихся частях заупокойного папируса его жены Неджемт, содержащих изложение «Книги мертвых». В данном случае Херихор предстает в качестве «первого жреца» Амуна и фараона, а Неджемт — как жена «первого жреца» Амуна и «царская мать» [112, с. 60; 124, № 3795, с. 61; 137, т. IV, с. 305—307, § 619—637; 158, т. II, [С. 121] с. 221—223, 226—227, 229—231; 258, с. 234—237, § X—XVIII, 347, с. 20—21, примеч. 90—92, §17, с. 40—44,

примеч. 173—180, 189, § 37—39, с. 251, примеч. 40—42, § 210; 381, ч. III, с. 243, a, b, с. 244, a, b, с. 245, b, с, с. 246, a, b, с, с. 248, a, с. 300, примеч. 75; 382, т. III, 1900, с. 56—65; 396, с. 653, 677].

В большинстве текстов, упоминающих Херихора или членов его семьи (и это нужно подчеркнуть), в отношении к ним царская титулатура или соответствующие эпитеты не употребляются. Так, в надписях, покрывающих стены гипостильного зала Карнакского храма Хонсу, а также в записи на стеле, установленной в этом храме и посвященной оракулу Хонсу и Амуна, Херихор фигурирует не в качестве фараона, а как верховный правитель, начальник обеих земель, «семер», великий во всей земле, «первый жрец» Амуна-Ра, царя богов, великий начальник войска Верхнего и Нижнего Египта, великий начальник работ в доме Хонсу, начальник работ по сооружению памятников всех его величества, главы Верхнего и Нижнего Египта [137, т. IV, с. 299—302, § 609—612, с. 303—304, § 615—618; 142, с. 39, табл. XXI; 158, т. II, с. 233, 236—237; 258, § III—IV; 381, ч. III, с. 222, f, с. 247, e, d, с. 248, b, d, e, f; и др.].

В надписи на цоколе и на развернутом свитке папируса в руках сидячей карнакской статуи Херихора из серого гранита последний выступает как обладатель следующих почетных званий, эпитетов и титулов: верховный правитель, «первый жрец» Амуна-Ра, царя богов, начальник города (Фив), визирь, царский сын Куша, великий начальник войска Верхнего и Нижнего Египта, успокаивающий обе земли для господина своего Амуна... Начальник обеих земель, «семер», великий во всей земле, визирь, открытый правде, слушающий людей юга, начальник земель юга, делающий полезное в доме Амуна, для которого работает вся земля полностью [368, с. 63—68, стк. 5—9].

В краткой записи на сфинксе из Карнакского храма Мут Херихор назван «первым жрецом» Амуна-Ра [396, с. 661].

На стеле из Лейденского музея (Leiden V, 65) с изображениями Херихора и его жены Неджемт Херихор характеризуется как «„первый жрец” Амуна-Ра, царя богов, великий начальник войска», а Неджемт — как «владычица дома, старшая гарема Амуна-Ра, царя богов» [130, т. VI, табл. XXVIII; 258, § VII, IX; 347, с. 41, примеч. 165; 396, с. 678]. (В тексте на уже упоминавшейся фаянсовой вазе, где Херихор титулован как фараон, в царских картушах помимо собственного имени содержится лишь жреческое звание Херихора — «владыка двух земель „первый жрец” Амуна, владыка диадем Херихор» [124, с. 61, № 3795; 258, § XVII].)

В краткой записи на гробе Сети I, сделанной при его перезахоронении в 6-й год эры Повторения рождений» (т. е. в 24-й год правления Рамсеса XI), Херихор назван «„первым жрецом” Амуна-Ра, царя богов, визирем и начальником [города] (Фив)». [С. 122] В сходной записи на гробе Рамсеса II Херихор фигурирует в качестве «„первого жреца” Амуна-Ра, царя богов» и одного из «серов» (т. е. чиновных должностных лиц) и аналогично с записью на гробе Сети I — как визирь и начальник города (Фив), поскольку лакуна перед обозначением жреца позволяет в данном случае предполагать первоначальную фиксацию здесь именно этих титулов⁷ [137, т. IV, с. 288, § 593—594; 185 № 61019, 61020, с. 30, 32, табл. XVI, XVIII, XX, XXII; 396, с. 553, 557, фиг. 15, с. 724, 726, табл. Ха, XIa, XIb, XII]. Как визирь Херихор отмечен еще лишь в надписи на статуе Каирского музея № 42190. Ни в одном из многочисленных текстов, покрывающих стены, колонны, архитравы гипостильного зала храма Хонсу, Херихор визирем не назван, и лишь в записи на помещенной в храме Хонсу стеле, сообщающей об оракуле Хонсу и Амуна, он характеризуется не только в качестве «„первого жреца” Амуна-Ра царя богов, царского сына Куша и начальника двойной житницы», но, возможно, и в качестве визиря, поскольку аттестуется как начальник города Фив, в котором Хонсу и Амун утвердили его господство.

В тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ» Херихор упомянут по имени дважды (в стк. 1, 15; 2, 25) и еще два раза подразумевается как обладатель титула «первого жреца» Амуна (в стк. 1, 52; 2, 61). Другими званиями (кроме звания «господина» (*nb*) Ун-Амуна)

Херихор в данном историко-литературном памятнике не наделен [40, с. 27 [120], 30 [127], 28 [124], 32 [131]].

На остраконе Каирского музея № 25744 (обрывок письма) Херихор упоминается со своими обычными, нецарскими титулами [168, с. 251, примеч. 42].

В папирусе с текстом «Книги мертвых» из Дейр эль-Бахри, принадлежащем жене Херихора Неджемет, Херихор представлен в качестве «первого жреца» Амуна и фараона с царскими картушами [в частях папируса, хранящихся в Лувре и в Британском музее (Pap. Brit. Mus., № 10541)] в то же время Неджемет называется «царской матерью» и один раз перед своим картушем обозначена странным званием «царского кравчего» (*wb nšw*), что, впрочем, по мнению К. А. Китчена, является случайным искажением титула «жена царя» (*hmt-nšw*) [347, с. 42, § 38, примеч. 173—180]. В одной из частей принадлежавшей ей записи «Книги мертвых» Неджемет аттестуется как «царская мать господина двух земель, божественная мать Хонсу-ребенка, старшая гарема Амуна-Ра, царя богов, глава почтенных женщин, госпожа двух земель» [432, с. 29]⁸. В дополнении (или в копии?) к основному тексту «Книги мертвых» Неджемет (Pap. Brit. Mus., № 10541), также хранящемся в Британском музее (Pap. Brit. Mus., № 10490), о его владелице сказано, что она «Царская мать Неджемет» (в картуше.— *И. С.*), дочь «царской Матери Хереры» (без картуша.— *И. С.*) [146, табл. I, 5]. В этом же папирусе Неджемет называется «царской матерью, родившей [С. 123] могучего быка» (*mšt k3 nḥt*) [347, с. 44, § 39; 564, с. 174, примеч. 149]⁹.

В надписях на двух гробах найденных в знаменитом тайнике в Дейр эль-Бахри [185, с. 41—50, № 61024], содержащих мумию Неджемет [347, с. 43, примеч. 181, § 38; 396, с. 569, табл. 19; 527, № 61087], а также в надписях на пеленах мумии имя «Неджемет» заключено в картуши, и она предстает здесь с теми же титулами, что и в тексте своей «Книги мертвых», т. е., в частности, как «глава почтенных женщин, царская мать, старшая глава гарема (*hr (jt) wrt ḥnrt*) божественная (или царская) мать Хонсу» [347, с. 43, примеч. 40—42, § 39].

В двух письмах из трех времени Пианха, упоминающих Неджемет (Pap. Berlin, № 10487, 10488), последняя не наделяется какими-либо титулами или званиями, и лишь в третьем письме (Pap. Berlin, № 10489) она аттестуется как «старшая гарема Амуна-Ра, царя богов, почтенная госпожа» [171, № 21, 34, 35; 347, с. 40—42, § 37—38; 563, с. 53, 69, № 21, 34, 35].

В двух письмах из четырех, также относящихся к периоду, когда «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, был Пианх (Pap. Turin, 1973; Pap. Brit. Mus., № 10100), речь идет о некоей Херере без каких-либо сопроводительных титулов. Зато в двух других письмах Херера названа «старшей гарема (певиц) Амуна-Ра, царя богов» — *wrt ḥnrt (šmʿj) n-(t) Imn-Rʿ nšw ntrw*, т. е. званием, обычным для жены, сестры или дочери верховного фиванского жреца [171, № 2, 30, 38, 39; 168, с. 32; 563, № 2, 30, 38, 39, с. 20, 65, 66, 74, 75; 564, с. 157, примеч. 16]¹⁰.

В надписи на стеле, рассказывающей о решении оракула Амуна от 7-го года эры «Повторения рождений» (т. е. от 25-го года правления Рамсеса XI), сам Херихор не фигурирует но здесь упоминаются (помимо Амуна-Ра, царя богов) жрец «уаб», писец склада дома Амуна-Ра по имени Несиамун, «второй жрец» Амуна Несиамунра, преемник Херихора в должности верховного фиванского жреца Пианх, наделенный титулами «носителя опахала с правой стороны царя, царского сына Куша, „первого жреца“ Амуна-Ра, царя богов, начальника войска, правителя» [437, с. 157—162].

Весьма важным фактом, сообщаемым данной надписью, является указание, на то, что в 7-й год эры «Повторения рождения» (или в 25-й год правления Рамсеса XI) верховным фиванским жрецом был уже не Херихор, а Пианх¹¹.

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ХЕРИХОРА

Итак, мы завершили перечисление и краткую характеристику основных источников, которые содержат сведения о Херихоре и его близких. Теперь можно перейти

непосредственно к анализу этих документов. [С. 124] Прежде всего остановимся на рассмотрении вопроса о том, какой вывод позволяют сделать имеющиеся материалы о происхождении Херихора.

Нужно признать, что проблема происхождения Херихора является одной из наиболее темных и трудноразрешимых. Родословная Херихора и поныне остается загадочной. Среди исследователей все еще нет согласия ни в отношении генетических связей Херихора, ни в отношении того, как и когда завершился его жизненный путь. Ни мумия, ни место погребения Херихора до сих пор не обнаружены, и в этом смысле ему повезло меньше, чем его жене Неджемт, чья мумия и два гроба были найдены в знаменитом тайнике в Дейр эль-Бахри.

Следует отметить, что именно сведения о Неджемт позволяли в прошлом и позволяют и в настоящее время строить определенные гипотезы о происхождении Херихора. Согласно утверждению Г. Масперо, Неджемт, будучи царевной, помогла своему мужу Херихору (сыну «первого жреца» Амуна-Ра Аменхотепа) (?) достичь исключительного положения в Фивах [395, с. 563]. Фл. Питри, поддержанный позднее А. Готье, выдвигал предположение, что со стороны своей матери (?) (все той же Неджемт) Херихор якобы был потомком Рамсеса VI [453, с. 176, 196, 205; 258, с. 236]. Как справедливо несколько позже указывал Г. Лефевр, коль скоро заходит речь о непосредственном преемнике «первого жреца» Амуна-Ра Аменхотепа Херихоре, приходится признать, что «не известны ни его отец, ни его мать», которых «он нигде не называет на своих официальных памятниках» [368].

Впоследствии большинство исследователей, отмечая отсутствие каких-либо сведений о родителях Херихора, согласились с мнением А. Гардинера, что Херихор стал «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, как зять верховного фиванского жреца Аменхотепа¹², поскольку жена Херихора Неджемт, согласно тексту ее «Книги мертвых», хранящемуся в Британском музее (Pap. Brit. Mus., № 10490), была дочерью Хереры, а последняя якобы являлась женой Аменхотепа, так как отождествляемая с ней Херера, упоминаемая в двух письмах времени Пианха. (Pap. Turin Unnumbered. Pap. Turin 2069), носила титул, обычный для жены «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов [«старшая гарема (певиц) Амуна-Ра, царя богов»], каковым до Херихора мог быть только Аменхотеп [168, с. 33; 242, с. 303; 306, с. 303, 335, с. 8].

Мнение А. Гардинера до самых последних лет было как бы общепринятым. В соответствии с давней традицией оно позволяло утверждать сохранение определенных связей семейного характера у многих верховных фиванских жрецов, занимавших эту высокую должность как в эпоху Рамессидов, так и в более позднее время, что, в свою очередь, служило дополнительным аргументом для тех исследователей, которые были склонны отстаивать тезис о многолетнем могуществе фиванских верховных [С. 125] жрецов — грозных соперников фараонов. Как писал, например, Э. Горнунг в своей рецензии на фундаментальную работу Г. Кееса о Херихоре и о последовавших, за ним «первых жрецах» Амуна-Ра, царя богов, «потомки Херихора с материнской стороны были преемниками фиванской семьи верховных жрецов Усермаатранахта (Рамсесунахта), которые, начиная от правления Рамсеса III, вплоть до вторжения Панехси, распоряжались высшей фиванской жреческой должностью и которые еще раньше породнились с еще более древней фиванской семьей Бакенхонсу (Чанофр). Не считая семейных связей с танисцами и Бубастидами... возникла, таким образом, генеалогическая цепь фиванских жрецов Амуна (и прежде всего верховных жрецов), которые правили от начала XII и включая VIII столетие до рождества Христова» [318, с. 438—439].

Вывод Э. Горнунга, приведенный нами, отражает точку зрения, до недавнего времени очень распространенную. В определенной степени эта точка зрения подтверждалась предположением А. Гардинера о наличии семейных связей между Аменхотепом и Херихором. Между тем, как на это первым обратил внимание Эд. Ф. Венте, для отождествления Хереры — матери Неджемт, упоминаемой в папирусе Британского музея № 10490, с Херерой, фигурирующей в письмах времени Пианха (Pap. Turin, 1973; Pap. Brit,

Mus., № 10100; Pap. Turin (unnumbered); Pap. Turin, 2069) [171, № 2, 30, 38, 39; 563, № 2, 30, 38, 39, с. 20, 65—66, 74—75], нет серьезных оснований, а потому сомнительно, чтобы Хереру — мать Неджемт (тещу Херихора) можно было наделять тем титулом, обычным для жены верховного фиванского жреца [«старшая гарема (певиц) Амуна-Ра, царя богов»], которым обладала какая-то другая Херера — современница Пианха. Коль скоро, однако, ничто не подтверждает предположения, что Херера — мать Неджемт и теща Херихора носила этот же титул, нет данных и для аттестации ее как супруги Аменхотепа, а следовательно, и Херихора — как зятя последнего (т. е. в качестве супруга дочери Аменхотепа и Хереры — Неджемт).

Трудность отождествления и совмещения друг с другом Херер, упоминаемых в папирусе Британского музея № 10490 и в письмах времени Пианха, проистекает, по замечанию Эд. Ф. Венте, оттого, что в 10-й год эры «Повторения рождений», когда были написаны письма, Херера — мать Неджемт и теща Херихора должна была бы быть очень старой и потому она вряд ли имела бы возможность предпринять вместе с преемником Херихора Пианхом, возглавлявшим военную экспедицию, утомительное для ее преклонного возраста путешествие в Элефантину, откуда эти письма были отправлены [564, с. 173, примеч. 145; ср. 563, с. 14, 20, № 2 — Pap. Turin, 1973, стк. 7 recto: «Я оставил его в Элефантине вместе с Херерой, чтобы...»]. Заключение, к которому первым пришел Эд. Ф. Венте, впоследствии поддержали М. Л. Бизбрайе [120] и К. А. Китчен, [С. 126] который, ссылаясь, в частности, на М. Л. Бизбрайе, писал по этому поводу следующее: «Можно было бы ожидать, что Пианха сопровождала бы в Элефантину скорее его жена, чем его престарелая бабушка, вероятно, разумнее утверждать существование Хереры А, матери Неджемт (и, возможно, Херихора) (?— И. С.), и Хереры В, неизвестного происхождения, жены Пианха. Статус старшей гарема Амуна-Ра, царя богов, должен главным образом приписываться только В и более не утверждаться для А — матери Неджемт, чей собственный статус (за исключением эпитета „царская мать“) остается неизвестным до настоящего времени» [347, с. 45, примеч. 196, 197].

Коснемся теперь проблемы, затронутой Эд. Ф. Венте в статье, опубликованной в 1975 г., — проблемы происхождения Пианха, преемника Херихора на посту фиванского верховного жреца.

Дело в том, что, лично проверяя изображение процессии детей Херихора, возглавленной его женой Неджемт, высеченное на внутренней стороне западной стены переднего двора храма Хонсу в Карнаке [258, с. 236—240, табл. XVIII—XX; 381, ч. III, с. 247, а, b]¹³, Эд. Ф. Венте пришел к выводу, согласно которому сыном Херихора, следующим непосредственно за Неджемт, был не Пианх, а некто, от имени которого осталось только слово *ḥnh* или *ḥnhf* (без предшествующего *ḥj*, как полагали. Р. Лепсиус и другие авторы, повторявшие его восстановление лакуны перед сохранившимся в тексте сочетанием *ḥnh*). Поскольку Эд. Ф. Венте не обнаружил перед начертанием *ḥnh* никакого пространственного пропуска, предложенное Р. Лепсиусом восстановление имени сына Херихора, следующего за Неджемт, как *Pḥjḥnh* (Пианх) он посчитал невозможным и потому предположил, что здесь мог бы быть изображен скорее всего другой сын Херихора — Анхенмут, фигурирующий, в частности, в сцене переноски барки богини Мут, представленной на части северной стены портика храма Хонсу. Как готов был признать сам Эд. Ф. Венте, предлагаемое им отождествление фигуры мужчины, первым изображенного в процессии следующим за Неджемт с Анхенмутом, еще не исключает полностью возможности того, что и Пианх был сыном Херихора. Однако отсутствие, по словам Эд. Ф. Венте, каких-либо данных на этот счет позволяет предпочтительнее видеть в Пианхе не находящегося в родстве с Херихором начальника войска, впоследствии, как и Херихор, ставшего фиванским верховным жрецом.

Подобное заключение кажется Эд. Ф. Венте тем более вероятным, поскольку оно, по его мнению, хорошо согласуется с фактом нежелания сына Пианха Пиноджема I указывать в своей титулатуре на родственную связь с Херихором, а это, в свою очередь, означает, что Неджемт, не будучи ни матерью Пианха, ни бабушкой присвоившего царский

титул Пиноджема I могла получить звание «царской матери, родившей могучего быка», якобы только в качестве родоначальницы линии танисских фараонов [566, с. 36—37] [т. е. как мать Несубанебджеда [С. 127] (Смендеса), становящегося, таким образом, сыном (?) Херихора] [564, с. 174].

Пересказанное нами рассуждение Эд. Ф. Венте, изложенное им в маленькой заметке, помещенной в сборнике статей, опубликованном в 1975 г. (сам же сборник подбирался и составлялся за несколько лет до 1975 г.), нельзя не признать весьма интересным и интригующим. Тем не менее согласиться с выводом Эд. Ф. Венте нам все-таки трудно. Конечно, неправомочно спорить с Эд. Ф. Венте, имеющим возможность лично, на месте осмотреть текст записей, начертанных на западной стене переднего двора храма Хонсу, еще не получивших нового воспроизведения в современной научной публикации, относительно того, какое имя сопровождает изображение сына Херихора, представленного в процессии следующим непосредственно за своей матерью Неджемет. Может быть, это действительно был не Пианх, а Анхенмут. Вряд ли, однако, справедливо утверждение Эд. Ф. Венте: «В отсутствие более позитивного свидетельства кажется наиболее разумным прийти к выводу, что Пайанх (Пианх.— *И. С.*) не был сыном Херихора» [566, с. 37].

Подобное свидетельство, как нам представляется, все же имеется, и содержится оно в том письме, в котором Пианх с сыновней любовью и нежностью обращается к Неджемет (Pap.Berlin, № 10489). Затрагивая в этом письме, как и в других письмах к Неджемет (Pap.Berlin, № 10487, 10488), весьма щекотливый вопрос о тайной казни каких-то двух маджаев, Пианх пишет следующее: «Я каждый день прошу каждого бога и каждую богиню, мимо которых я продвигаюсь, повелеть, чтобы ты жила, повелеть, чтобы ты была здорова, и позволить (мне) увидеть (тебя), когда я возвращусь, и наполнить (мой) взгляд видением (тебя)» [171, № 35; 563, № 35, с. 69] (Pap. Berlin, № 10489). Так мог писать, как нам кажется, скорее всего сын к матери, и потому сыновняя связь Пианха с Неджемет и Херихором, по нашему мнению, остается непровергнутой, несмотря на допустимость определенных коррективов в интерпретации изображения того сына Херихора, который представлен на внутренней стороне западной стены переднего двора храма Хонсу непосредственно следующим в процессии за Неджемет.

Излишне категоричный вывод Эд. Ф. Венте, о котором было сказано выше, кажется нам тем менее вероятным, что с его помощью американский исследователь пытался подкрепить тезис, на наш взгляд почти фантастический, будто бы Неджемет (а следовательно, и Херихор) была родоначальницей танисских фараонов.

Как мы уже указывали, родители Херихора неизвестны; ни на одном из оставленных им памятников они не упоминаются, и потому можно думать, что они были низкого общественного положения, шокировавшего того, кто претендовал на царский престол. Лишь в конце 60-х годов было высказано предположение (его автором является Эд. Ф. Венте), будто бы матерью Херихора [С. 128] была Херера (первая Херера, Херера – бабушка) — родительница его жены и, следовательно, сестры Неджемет [564, с. 173—174]. Насколько такого рода предположение основательно, мы попытаемся теперь определить.

Как мы уже отмечали, в иератическом папирусе Британского музея № 10490, содержащем часть текста «Книги мертвых», принадлежавшей Неджемет [145; 146, табл. 1—10], о ее матери Херере сказано, что она была «царской матерью». Если уж муж Неджемет и, стало быть, зять этой Хереры Херихор претендовал на царский престол, давно было признано весьма вероятным, что подобный титул Херера получила как теща Херихора. С формальной стороны между тем вроде бы ничто не мешает в данном случае допустить и непосредственную, кровную связь Хереры с Херихором, как и предположил Эд. Ф. Венте, поддержанный несколько позднее К. А. Китченом [347, с. 44]. Нам думается, однако, что делать такой существенный вывод (Херихор — сын Хереры и брат своей жены Неджемет) на основании титула Хереры, упоминаемого в столь специфическом памятнике, как «Книга мертвых», все же весьма рискованно. Ведь с таким же успехом можно было бы здесь говорить и о том, что Херера являлась тещей или даже матерью Несубанебджеда (Смендеса),

становящегося, таким образом, родным братом Херихора, поскольку именно Несубанебджед стал подлинным фараоном — основателем XXI династии после смерти Рамсеса XI. Возможность прихода к различным выводам, в одинаковой степени опирающимся на одно и то же свидетельство папируса Британского музея № 10490, заставляет относиться к этим выводам с большой осторожностью. Вряд ли, например, заслуживает доверия предположение К. А. Китчена, согласно которому, рассуждая теоретически, титул Хереры «царская мать» мог бы указывать на то, что Херера была или свояченицей (сестрой жены), или даже родной сестрой Несубанебджеда (Смендеса) [347, с. 44, примеч. 191]. Но тогда, в свою очередь, дочь Хереры Неджемт должна была бы быть племянницей Несубанебджеда (или его жены), а Херихор — ее мужем.

В конце концов с формальной стороны ничто не помешало бы с таким же успехом допустить, что «царской матерью» Херера называлась и как родительница Рамсеса XI, а это позволило бы развить увлекательную (но фантастическую) гипотезу, согласно которой Херихор был мужем сестры или даже родным братом последнего Рамесса. Увлечкая Эд. Ф. Венте перспектива установления родственных связей Херихора на основании интерпретации титула его тещи Херерыстораживает в такой же степени, в какой и его попытка доказательства кровнородственных связей Херихора с Несубанебджедом на основании толкования аналогичного титула дочери Хереры Неджемт (жены Херихора).

Поскольку в том же папирусе Британского музея № 10490, также в папирусе Британского музея № 10541 [523, с. 14—15, [С. 129] № 10541] Неджемт названа «царской матерью» и к тому же «родившей могучего быка» (т. е. фараона), Эд. Ф. Венте, продолжая свой метод интерпретации, уже примененный им по отношению к титулу Хереры, смог прийти к заключению, что Неджемт родила Несубанебджеда и тем самым сделала своего мужа Херихора и, стало быть, отца Несубанебджеда родоначальником новой, XXI танисской династии фараонов [347, с. 44; 564, с. 174, примеч. 151]. Конечно, и в данном случае вывод Эд. Ф. Венте следует признать чрезмерно смелым. Хотя Эд. Ф. Венте и пытается это оспаривать, мы полагаем, что Неджемт в соответствии с традицией могла бы быть названа в тексте ее «Книги мертвых» «царской матерью» как бабушка Пиноджема I. Говорить о том, что в год смерти Неджемт ее внук Пиноджем еще не претендовал на царский титул, вряд ли стоит¹⁴, поскольку, как допускал сам Эд. Ф. Венте, Пиноджем не присваивал царского титула, называя себя только «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, в течение лишь одного года (или примерно такого времени), прошедшего до вскоре наступившей смерти Рамсеса XI [564, с. 175]. Определить же абсолютно точно момент кончины Неджемт (до того, как ее внук Пиноджем принял царскую титулатуру, или после), естественно, невозможно. Отметим в данной связи, что предположение Эд. Ф. Венте, будто бы Несубанебджед был сыном Неджемт и Херихора, вряд ли кажется более убедительным на фоне отмечаемой К. А. Китченом теоретической допустимости считать Несубанебджеда (на тех же основаниях) дядей или Херихора, или его жены Неджемт [347, с. 44, примеч. 191].

Итак, «возможности» для интерпретации титулов Неджемт как «царской матери», «родившей могучего быка» (фараона) имеют столь многообразный и взаимоисключающий характер что они не могут не вызывать скептическое, отрицательное отношение. Такое же отношение вызывает и попытка Эд. Ф. Венте на основе анализа аналогичного титула Хереры («царская мать») доказать сыновнюю связь с ней Херихора.

Как нам думается, помимо вполне логичной, традиционно интерпретации титула Хереры и Неджемт — «царская мать» опирающейся на мнение, что в данном случае Херера воспринималась как теща Херихора, а Неджемт — как бабушка Пиноджема I, нельзя не принимать во внимание и специфику того исторического памятника (папирусов, содержащих текст принадлежавшей Неджемт «Книги мертвых»), в котором титул «царская мать» применен по отношению к Неджемт и к ее матери Херере. Ведь это был текст заупокойного назначения, не предназначавшийся к употреблению при жизни его владелицы и потому в этом тексте можно было написать, к вящей славе его хозяйки, те титулы и звания, которые в документах иной более жизненной целенаправленности использовать было бы

неуместно¹⁵. Учитывая веру древних египтян в магию слов, не удивительно, что в составленной для Неджемт «Книге мертвых» [С. 130] и Херера и Неджемт величаются с максимальной торжественностью как матери царей, поскольку таким путем для них создавались наилучшие условия приема в загробном мире у Осириса.

Известно, насколько смело использовалась царская титулатура по отношению к Херихору и к его жене Неджемт в надписях, начертанных в переднем дворе Карнакского храма Хонсу, в то время как в других текстах, более официального характера, эта титулатура нигде не применялась. С еще большей смелостью можно было величать «царскими матерями» Хереру и Неджемт в папирусах, «использование» которых предполагалось только на том свете. Здесь можно было называть Неджемт (а заодно и ее мать Хереру) всеми теми почетными званиями, которые приличествовали настоящим царицам и, следовательно, царским матерям (или тещам). Здесь Неджемт можно было величать не только «царской матерью владыки двух земель», но и «божественной матерью Хонсу-ребенка» или «царской матерью Хонсу» [347, с. 43, примеч. 184; 432, с. 29]. В последнем случае ясно обнаруживается, что при составлении для Неджемт «Книги мертвых» имелось в виду не столько отметить факт рождения Неджемт какого-либо конкретного фараона, сколько подчеркнуть ее царственное достоинство, обычное для настоящей царицы, отождествляемой с богиней Мут — «царской матерью» бога Хонсу.

Вывод о невозможности опираться на титулы Хереры и Неджемт, зафиксированные в «Книге мертвых» Неджемт, для реконструкции родственных взаимосвязей Хереры и Неджемт с Херихором и другими деятелями их времени нам представляется совершенно очевидным. Данный вывод несколько не опровергает факт, что в тексте принадлежавшей Неджемт «Книги мертвых» о ней говорится как о «родившей могучего быка».

Поскольку Неджемт в этом тексте называлась «царской матерью владыки двух земель», «божественной (или „царской“) матерью Хонсу-ребенка» (т. е. отождествлялась с богиней Мут), ничто не препятствовало аттестовать ее в данном случае и как «родившую могучего быка» (фараона). Все это были почетные звания той, которую и ее муж Херихор, и ее внук Пиноджем I стремились представить (как и самих себя) женщиной истинно царственного положения и достоинства. В тексте, предназначавшемся для чтения на том свете, на эти звания можно было не скупиться. Однако современным исследователям Эд. Ф. Венте (и К. А. Китчену) апеллировать к этим званиям для доказательства хотя и увлекательного, но фантастического тезиса, будто бы Херихор был сыном Хереры, братом своей жены Неджемт и отцом Несубанебджеда (Смендеса), явно не стоило. Если обратиться к содержанию текста «Путешествия Ун-Амуна в Библ», то легко заметить, что и Херихор и Несубанебдждед упоминаются здесь не как родственники, не как отец и сын, а в качестве совершенно равноправных и независимых друг от друга [С. 131] правителей юга и севера Египта [40, стк. 1, 4; 1, 5; 1, 52; 1, 53; 2, 35, с. 26, 28, 30, 119, 124, 128].

Даже учитывая сугубо фиванскую редакцию «Путешествия», стремившуюся подчеркнуть исключительность Амуна как единственного, подлинного владыки Египта, подобное полное отсутствие в этом историко-литературном памятнике даже намек на сыновнюю близость Несубанебджеда к Херихору в свете предположения Эд. Ф. Венте (поддержанного К. А. Китченом) понять трудно. Это понять тем более затруднительно, что о такого рода кровной близости Несубанебджеда и Херихора ничего не сообщают и другие источники, как они ничего не говорят и о кровной близости Херихора с Херерой и Неджемт. Поскольку, как мы уже отмечали ранее, нет данных, позволяющих считать Хереру (мать Неджемт) супругой «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов, Аменхотепа, а следовательно, и Херихора — его зятем, придется признать справедливость давнего вывода, что Херихор оказался на первом плане в качестве лица совершенно неизвестного происхождения, чьи родственные связи (за исключением связей с женой, тещей и детьми) установить невозможно¹⁶.

Не приходится сомневаться лишь в том, что в течение всей своей долгой жизни, вплоть до достижения 90 лет, Херихор был очень прочно связан с войском, с военной службой и к фиванскому жречеству, по-видимому, не имел никакого отношения.

ХЕРИХОР НА ПУТИ К ПРЕСТОЛУ ФАРАОНОВ

Херихор пришел к власти в Фивах после бурных событий, устранивших «первого жреца» Амуна Аменхотепа, достигшего большого влияния еще в царствование Рамсеса IX [75; 79].

Вторжение с юга в Египет при Рамсесе XI войска «царского сына Куша» Панехси привело к изменению политической ситуации в Фивах. Правителем древней столицы Египта стал Панехси. Обстановка в Фивах тогда была очень беспокойной. Фиванцы страдали от притеснений кушитского воинства Панехси. Именно в это время на политической сцене и появляется Херихор, с именем которого связывается восстановление в Фивах законности и порядка после изгнания Панехси из Египта [80]¹⁷.

Мнение Г. Лефевра [368, с. 206], что Херихор пришел к власти верховного фиванского жреца не как жрец, а как опирающийся на войско военачальник, впервые фундированно было обосновано Г. Кеесом, [334, с. 1—20; 335, с. 1, 2, 17, 18]. В настоящее время это мнение является, по существу, общепринятым и не вызывает особых разногласий. Перед тем как стать после очень многих лет прожитой жизни «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, Херихор, по всей вероятности, действительно мог похвастаться лишь военными заслугами. Вот почему его звание «начальника войска» вместе с другими титулами [С. 132] аналогичного характера наряду с титулом «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов, фигурируют, пожалуй, с наибольшим постоянством почти во всех оставленных им пространных надписях и кратких текстах, характеризующих его служебную деятельность вплоть до того момента, когда он решился назвать себя фараоном. Эти же военные титулы оказались «любимыми» и для его потомков¹⁸. Это бесспорный факт, который невозможно отрицать, даже если и трудно согласиться с Г. Кеесом, что форма правления, установленная в Фивах Херихором, была «военной диктатурой» (Militardiktatur), знаменовавшей собой (вопреки взглядам Эд. Мейера [407, с. 495—496]) победу войска над жречеством¹⁹.

Отмечая почти полную общепринятость основного вывода Г. Кееса о военной предыстории жреца Херихора, нужно признать, что с самого начала этот вывод связывается с весьма спорным утверждением, будто бы Херихор был одним из военачальников в войске «царского сына Куша» Панехси, к окружению которого он якобы принадлежал, подобно тому как будущий основатель XIX династии Рамсес I входил в окружение военачальника и впоследствии фараона Хоремхеба [334, с. 10]. В настоящее время сформулированный выше тезис принимается почти всеми исследователями как очевидная истина [116, с. 96; 230, с. 26; 306, с. 204; 307, с. 176—177]. В большинстве работ, так или иначе затрагивающих проблему характера власти Херихора, последний изображается «человеком Панехси», его ставленником, в сущности предавшим своего покровителя в благоприятный для себя момент и занявшим освободившееся место фактического владыки Фив и всего Верхнего Египта. На первый взгляд такая трактовка, возможно, кажется вполне логичной. Однако, по нашему мнению, в ее основе не лежит ничего, кроме сомнительных предположений, которые невозможно подкрепить фактами.

Как уже давно установлено, отношение к Панехси в Фивах при Херихоре и его сыне Пианхе было открыто враждебным. Хотя Ю. фон Бекерат и пытался изобразить дело таким образом, будто бы мнение о враждебности фиванцев к Панехси, нашедшей свое отражение в документах времени Херихора, несколько преувеличено [116, с. 101], большинство исследователей, начиная с Г. Кееса, справедливо считают, что при Херихоре, ставшем политическим соперником и противником Панехси, на поверхности вышли чувства вражды и ненависти к тому, кто стоял во главе кушитского войска [168, с. 31; примеч. 4; 230, с. 26; 306, с. 204; 307, с. 175—176, примеч. 7; 334, с. 1—20; 335, с. 8, 12; 565, с. 85].

Вполне естественно, что, используя эти чувства, Херихор желал изобразить себя восстановителем старого, доброго порядка, существовавшего в Фивах до вторжения воинства Панехси. К этому Херихор явно стремился, пропагандируя новую эру «Повторения рождений» (эру *whm mswt*) и проявляя заботу о [С. 133] сохранении старого фиванского административного аппарата [335, с. 12].

Никаких документальных данных, свидетельствующих о первоначальной близости Херихора к Панехси, не имеется, и потому мы вправе сделать вывод, что именно как враг Панехси старый, опытный военачальник Херихор был использован Рамсесом XI (или тем, кто стоял за его спиной — возможно, Несубанебджедом) для изгнания Панехси из Египта [80].

Г. Кеес высказал, на наш взгляд, весьма правдоподобное предположение, явно противоречащее его же собственному основному тезису, будто бы Херихор был близок к Панехси, а именно что для победы над Панехси Херихор мог воспользоваться (с согласия Несубанебджеда?) войском, расквартированным в крепостях Среднего Египта [335, с. 9]. Трудно, конечно, сказать со всей определенностью, действовал ли Херихор с самого начала против Панехси в союзе с Несубанебджедом или нет, но дальнейший их довольно дружеский (во всяком случае, внешне) альянс делает такое допущение весьма вероятным. Во всяком случае, как нам представляется, К. А. Китчен имел основание заявлять, что «он (т. е. Херихор.— *И. С.*) мог, вероятно, быть по профессии воином, призванным царем для замещения иррегулярного и *ad hoc* режима Панехси» [347, с. 250].

Не будучи ставленником Панехси, Херихор, по нашему мнению, пришел к власти не благодаря первоначальной поддержке честолюбивого «царского сына Куша», а в результате решительной и успешной борьбы с ним. Вопреки гипотезе Ю. фон Бекерата, развившего идеи Г. Кееса, а также вопреки мнению солидаризировавшихся с Ю. фон Бекератом Эд. Ф. Венте и К. А. Китчена, нет оснований объявлять Пенехси «спасителем» верховного фиванского жреца Аменхотепа от мятежа черни, «спасителем», якобы восстановившим власть Аменхотепа в Фивах. Традиционная точка зрения, разделяемая большинством исследователей, о гибели «первого жреца» Амуна Аменхотепа (или по крайней мере о его окончательном исчезновении с политической арены) как прямом следствии агрессии Панехси гораздо лучше согласуется с имеющимися документальными свидетельствами и потому, мы полагаем, может быть принята как соответствующая действительности [80]. Поскольку между правлениями в Фивах Аменхотепа и Херихора источники никакого другого «первого жреца» Амуна не называют²⁰, приходится полагать, что Херихор стал верховным фиванским жрецом сразу же после гибели или устранения его непосредственного предшественника — «первого жреца» Амуна Аменхотепа²¹.

Произойти это могло лишь после изгнания Панехси из Фив, т. е. после 17-го года правления Рамсеса XI, скорее всего в 18-й или 19-й год²². Последнее означает, в свою очередь, что в течение того времени, пока в Фивах правил Панехси (т. е. по крайней мере с 12-го и по 17-й год царствования Рамсеса XI), должность фиванского верховного жреца оставалась свободной. [С. 134]

Став верховным фиванским жрецом, Херихор в 19-й год царствования Рамсеса XI, как мы уже указывали, объявил начало особой эры «Повторения рождений» (эры «Возрождения»)²³. Эра эта, провозглашенная от имени фараона²⁴, должна была знаменовать собой возрождение в Фивах и во всей стране законности и порядка. Введение новой эры давало Херихору возможность, укрепляя свое фактическое господство в Фивах, маскировать честолюбивые замыслы видимостью верности Рамсесу XI, власть которого в древней столице Египта он, изгнав Панехси, формально восстановил.

* * *

Фактическое владычество Херихора в Фивах и в Верхнем, а также в Среднем Египте (от Нубии на юге до Эль-Хибэ на севере) начиналось с такого этапа, когда верховный фиванский жрец, постепенно оттеснявший на второй план представителя царской власти

в Фивах — начальника города и визиря Небмаатранахта²⁵, был вынужден скрывать свои честолюбивые планы. Трудно сказать, были ли эти планы изначально, или они оформлялись постепенно, по мере развития событий. Однако несомненно, что какое-то время Херихор стремился изобразить себя верным слугой фараона. Эволюция политических устремлений Херихора получила отражение прежде всего в многочисленных надписях храма Хонсу в Карнаке, и потому к анализу этих надписей мы теперь перейдем.

Остановимся сначала на описании самого храма Хонсу.

Храм младшего члена фиванской триады богов — Амуна, Мут, Хонсу — храм Хонсу-ребенка, сына Амуна и Мут, расположен у юго-западного края карнакского храмового комплекса, там, где еще в эпоху Среднего царства находилось место почитания Хонсу, рядом с построенным при Птолемеях маленьким храмиком в честь Осириса [57, с. 5—6, 12].

Как указала М. Э. Матье, этот храм в своей основе был создан при Рамсесе III на месте более древнего сооружения, воздвигнутого во времена Аменхотепа III, в период храмового строительства в Луксоре. Как писала М. Э. Матье, «от ворот Луксора к Карнаку вела аллея сфинксов, аналогичная подобным аллеям, соединявшим храмы Карнака между собой. Эта аллея вскоре разделялась на две; правая аллея сворачивала к храму Мут, а левая доходила до храма Хонсу, где, очевидно, при Аменхотепе III уже было святилище, на месте которого позднее был построен храм Рамсеса III. Таким образом, Луксор оказывается включенным в комплекс святилищ Карнака, представлявших собой отныне единый гигантский архитектурный ансамбль» [49, с. 48]. По мнению М. Э. Матье, в пользу ее датировки начала сооружения в Карнаке храма Хонсу говорит то, что «иначе трудно объяснить и приводившую сюда аллею сфинксов Аменхотепа III, и находку статуй XVIII династии» [49, с. 77, примеч. 54]. [С. 135] Высказанные М. Э. Матье соображения о времени начала строительства храма Хонсу значительно позже были поддержаны польским египтологом-искусствоведом К. Михаловским, который в своем издании фотографий карнакских храмов писал по этому поводу следующее: «О строительной деятельности времен Аменхотепа III свидетельствует также знаменитый храм Хонсу. Ранее считалось, что его строительство было начато при Рамсесе III и что его преемники украсили постройку рельефами и произвели некоторые изменения. В 1947 г. советский египтолог М. Матье выдвинула гипотезу, что общая планировка этого сооружения относится именно ко времени Аменхотепа III. Не говоря уже о том, что в этом храме была найдена статуя тезки фараона — Аменхотепа, сына Хапу, бывшего его главным архитектором, и что в его стенах сохранились более ранние блоки, как, например, стела времени Аменхотепа II, приведенную выше гипотезу подтверждает еще один весьма важный аргумент. Нам известно, что аллея сфинксов, ведущая из храма Аменхотепа III в Луксоре, проходила именно в направлении входа в рассматриваемый нами храм, и только этим можно объяснить ее возникновение. К тому же нам известно из надписей, что в эпоху Среднего царства место культа бога Хонсу находилось именно к югу от храма Амона. Трудно, впрочем, представить себе, чтобы до Рамсеса III бог Хонсу, один из главных богов фиванской триады, сын Амона и Мут, не имел собственного храма в Карнаке» [57, с. 12].

Как мы видим, по мнению К. Михаловского, полностью солидаризировавшегося с М. Э. Матье, начали строить храм Хонсу, несомненно, еще при Аменхотепе III (если не ранее). Однако только при Рамсесе III этот храм, как справедливо подчеркивает К. Михаловский, «приобрел свой законченный вид» [57, с. 20], т. е. в него включили культовые и подсобные помещения, а также гипостильный зал²⁶. Позднее гипостильный зал украшали многие фараоны, носившие имя «Рамсес». В частности, во времена Рамсеса XI и Херихора завершилась внутренняя отделка восьмиколонного гипостильного зала и был сооружен большой открытый передний двор, обрамленный с трех сторон колоннадой, образованной из 28 колонн, расположенных в две линии. (Двор этот был закончен уже тогда, когда всю ответственность за строительство в храме Хонсу нес всецело один Херихор, осмелившийся поэтому именно здесь, в надписях, высеченных в переднем дворе, провозгласить себя настоящим фараоном, обладающим полным набором традиционных

для фараона титулов.) При Херихоре непосредственно у входа в открытый передний двор были возведены и пилоны. Значительно позднее, уже при Птолемее III Эвергете I, перед пилонами и аллеей сфинксов Аменхотепа III появился портик с воротами (пропилон) [57, с. 14—15, 21]. В эллинистическую эпоху, когда полностью завершилось строительство храма Хонсу, он производил величественное впечатление. [С. 136]

Начинался храм Хонсу с красивого пропилона [57, фототаблицы № 80—81], покрытого многочисленными рельефными изображениями и надписями. Далее шла аллея, фланкируемая 22 сфинксами Аменхотепа III, по 11 сфинксов с каждой стороны [57, фототаблицы № 79, 81]. Аллея сфинксов приводила к двум мощным пилонным башням, каждая из которых достигала 18 м высоты и 10 м ширины при общей протяженности в длину по фасаду 32 м. Внутри пилонов не было никаких помещений, кроме узкой лестницы, которая вела на перекрытие центрального входа и оттуда на вершину башни [395, с. 564]. За пилонными башнями и центральным входом начинался построенный Херихором, не имеющий крыши передний двор, квадратный в плане, обрамленный с трех сторон крытым периптерным портиком, состоящим из расположенных в два ряда 28 колонн и имеющим по правую и левую стороны по два небольших выхода и еще два прохода по задней (северной) стороне. Все колонны переднего двора одинаковой формы и высоты, с лотосообразными капителями опираются на круглые каменные базы и поддерживают (каждая из них) сначала небольшую квадратную каменную плиту, а все вместе — длинный архитрав [57, с. 14—15, фототаблица № 83; 395, с. 564]. Стены переднего двора, его прохода, а также поверхность колонн и архитрава щедро покрыты рельефными изображениями и иероглифическими надписями, в том числе и теми, которые содержат заключенные в царские картуши имя и жреческое звание Херихора с полным набором обычной для фараона титулатуры.

Из переднего двора центральный проход, расположенный в его задней (северной) стороне, ведет в перекрытый гипостильный зал, возведенный еще при Рамсесе III, но украшавшийся рельефами с надписями при последующих Рамессадах, в частности и во времена царствования Рамсеса XI и фактического господства в Фивах Херихора.

Крыша центральной части гипостильного зала (его центрального нефа) поддерживалась четырьмя колоннами семиметровой высоты с капителями в виде колокола или бутона папируса, тогда как перекрытие более низких боковых сторон зала покоилось на четырех колоннах с лотосообразной капителью (по две колонны с каждой стороны) высотой 5,5 м [158, т. II, с. 233; 395, с. 564]. Подобно колоннам переднего двора, колонны гипостильного зала также опираются на круглые каменные базы и несут на себе длинный архитрав. Как и в переднем дворе, стены гипостильного зала, проходов, а также поверхность колонн и архитрава обильно изукрашены иероглифическими текстами и изображенными в рельефе сценами. С каждой из боковых сторон гипостильного зала имелось по одному небольшому выходу, и еще два прохода в его задней (северной) стороне вели из гипостильного зала в культовые помещения — в зал, в котором на каменном пьедестале стояла священная ладья Хонсу, и оттуда — в святая святых храма — в его молельню [57, [С. 137] с. 14—15, фототаблицы № 82—85]. (В зале для ладьи возвышались опиравшиеся на круглые базы протодорические колонны времени Рамсеса III с канулированной поверхностью [57, с. 14—15, фототаблицы № 84, 87].) И зал для священной ладьи Хонсу, и молельня, где находилась его статуя, были окружены многочисленными подсобными помещениями, в которых хранилось все необходимое для совершения обряда в честь юного божества, сына Амуна и Мут²⁷.

Таково краткое описание храма Хонсу. В итоге многовекового строительства этот храм, очень ясного и простого архитектурного замысла, бесспорно, стал интереснейшим компонентом карнакского храмового комплекса, и притом таким компонентом, в котором, по мнению К. Михаловского, мы «имеем дело с классическим каноном культовой архитектуры Нового царства», с его «наилучшим образцом» [57, с. 12].

В чем конкретно проявлялся этот канон, К. Михаловский определяет очень обстоятельно: «Храм, состоящий из двора, гипостиля и святилища (т. е. зала для ладьи

вместе с молельней), может считаться в известной степени отражением дворца владыки либо дома вельможи. Кроме того, наблюдается прямая связь между структурой храма и соотношением социальных сил в Египте... Трудовой народ допускается только во двор храма, где под солнцем, так как колоннады по стенам могли вместить лишь немногих, он принимал участие в церемонии, совершавшейся внутри здания²⁸. Более ревностные верующие через высокие и широкие двери, ведущие в гипостильный зал, могли иногда увидеть статую божества, которую вносили туда жрецы во время церемонии. Доступом в гипостильный зал, так же как в приемный покой дворца, пользовались только избранные: высокие должностные лица, военачальники, писцы... Порог зала для лады могли переступить, кроме жрецов, только высшие государственные чиновники. Вблизи статуи божества, кроме фараона, который, падая на колени, отдавал низкий поклон божеству, могли находиться, по-видимому, только верховные жрецы, вероятно визири, а также жрецы, участвовавшие в ритуале. Таким в общих чертах был облик канона египетского храма» [57, с. 13, 15]. Бесспорно, что этому канону храм Хонсу полностью отвечал, являясь его «наилучшим образцом».

Перейдем теперь к рассмотрению надписей и изображений храма Хонсу (а также других памятников), демонстрирующих эволюцию политических устремлений Херихора. Остановим внимание сначала на надписях, и изображениях гипостильного зала этого храма.

Как наглядно показывают надписи и изображения гипостильного зала храма Хонсу, они были составлены в тот период, когда, несмотря на свое фактическое господство в Фивах, Херихор еще не решался нарушить традиционное, верноподданническое отношение к фараону и потому прикрывал свое самовластие видимостью преданности Рамсесу XI. Именно поэтому все [С. 138] надписи гипостильного зала имеют двойственный, противоречивый характер. По словам Дж. Брэстеда, в гипостильном зале «официальные посвящения на архитравах находятся в строгом согласии с условной формой, ставшей обычной начиная с эпохи Древнего царства... но вдоль оснований стен мы читаем слова, ни разу до тех пор не встречающиеся в фараоническом храме» [25, т. II, с. 202]. «Мы видим посвящения Рамсеса XII (т. е. Рамсеса XI.— *И. С.*) на архитравах гипостилия (§ 601—603). Однако посвящения, расположенные вдоль основания стены, так же как и сцены в том же зале, указывают на доминирующую позицию, занимаемую Херихором, и на подчиненную роль, которую играл царь» [137, т. IV, с. 299, § 608].

В самом деле, если на архитравах реконструкция гипостильного зала храма Хонсу всецело приписывается Рамсесу XI [158, т. II, с. 234—235], то в надписи, начертанной, например, у основания внутренней стороны восточной (правой) стены, идущей от прохода в передний двор к проходу в священные апартаменты, храма, об этом говорится уже несколько иначе: «„Первый жрец“ Амуна-Ра, царя богов, великий начальник войска Верхнего и Нижнего Египта, правитель, Херихор правогласный. Сделал он в качестве памятника своего для Хонсу в Фивах, Неферхотепа, соорудив для него храм заново в подобие горизонту неба, расширив храм его в качестве работы вечной, увеличив памятник его более, чем прежде. Удвоил он ежедневные приношения. Удвоил он то, что [бы]ло прежде. Девятка богов Фив соединена с радостью. Великий дом в празднестве. (Что касается) дома Хонсу, (то) повторено для него почтенное в виде памятников великих, прекрасных... Владыка двух земель Менмаатра Сетепенпах, владыка диадем Рамсес Хаемуас Мериамун Хеканечериун (Рамсес XI.— *И. С.*), которому дана жизнь. Вот желание его величества относительно увеличения дома отца его Хонсу в Фивах, Неферхотепа, с целью покрытия жертвенника его свершениями полезными для двойника его, которое произвел для него (т. е. для Хонсу.— *И. С.*) сын Ра, Рамсес Хаемуас Мериамун Хеканечериун, любимый Хонсу» [397, с. 76]. В двух надписях, параллельных вышеприведенной, начертанных у основания противоположной, западной (левой) стены гипостильного зала, сказано примерно то же самое, только на этот раз в качестве строителя храма Хонсу назван уже один только Херихор [137, т. IV, с. 299—300, § 608—610; 396, с. 652;

397, с. 77]. В других надписях и сценах гипостильного зала можно заметить аналогичное вытеснение Рамсеса XI честолюбивым «первым жрецом» Амуна-Ра.

Так, по правую (восточную) и левую (западную) стороны от двери, ведущей из гипостильного зала в святилище, находятся два рельефа, изображающие, по словам Дж. Брестеда, «каждый процессию бога, перед которым на том месте, где в продолжение нескольких тысячелетий неизменно стоял фараон, теперь изображен верховный жрец Херихор, совершающий воскурения. [С. 139] Но зато весьма странно: шаблонные благословения, по обыкновению начертанные над головою бога и, как предполагалось, обращаемые им к царю, все еще призываются на Рамсеса XII (т. е. Рамсеса XI.— И. С.)» [25, т. II, с. 202]. В обеих сценах действительно в сходной ситуации фигурируют Рамсес XI и Херихор. В той сцене, которая располагается справа (к востоку) от двери, показано прибытие в храм Хонсу процессии жрецов, несущих священные барки Амуна, Мут, Хонсу. Повернувшись лицом к барке Амуна, Херихор совершает перед ней воскурение, подменяя собой Рамсеса XI. В сопроводительной надписи Можно прочесть: «Прибытие это Амуна-Ра, царя богов, владыки двух земель, в храм Хонсу в Фивах, Неферхотепа, чтобы увидеть красоту сына своего» [137, т. IV, с. 300, § 611; 158, т. II, с. 230—231; 397, с. 75]. В тексте, начертанном над Херихором, сообщается, что в данном случае имеет место «совершение воскурения перед богом этим, [Амуном-Ра], царем богов, (производимое) семером... (владыки) двух земель для господина богов „первым жрецом“ [Амуна-Ра], царя богов, Херихором правогласным» [137, т. IV, с. 301, § 611; 396, с. 651; 397, с. 76]. Однако в надписи, передающей слова Амуна, благодарность бога в соответствии с традицией адресована не Херихору, а Рамсесу XI. «Изречение Амуна-Ра, владыки тронов двух земель, находящегося перед Карнаком: „Сын мой, владыка двух земель, Менмаатра Сетепенпах! Увидел я памятник этот прекрасный, чистый, отличный, который сделал ты для меня. Награда за это в виде жизни, благополучия, здоровья великого, подобно Ра, вечно”» [137, т. IV, с. 301, § 611; 396, с. 651; 397, с. 76].

В сцене, представленной на стене гипостильного зала слева (к западу от двери, ведущей к святилищу), ритуальные барки Амуна, Мут, Хонсу изображены уже находящимися на своих подставках в храмовом дворе. Стоящий перед баркой Амуна Херихор совершает воскурение и возлияния. Сопроводительная надпись гласит: «Совершение воскурения и возлияния для Амуна-Ра, владыки тронов двух земель, находящихся перед Карнаком, владыки неба и земли, царя богов всех... (производимое) „верховным правителем“ (*rp^c.t ḥ3tj-ḥ*), начальником обеих земель, семером, великим во всей земле, „первым жрецом“ Амуна-Ра, царя богов, великим начальником войска Верхнего и Нижнего Египта, правителем, Херихором правогласным» [137, т. IV, с. 301, § 612; 396, с. 651; 397, с. 76].

Ответ Амуна на подобное деяние Херихора аналогичен уже приведенному нами выше: он сводится к благодарению Рамсеса XI. «Изречения Амуна-Ра, владыки тронов двух земель, находящихся перед Карнаком: „Сын мой из чрева [моего], любимый Менмаатра Сетепенпах! Сердце мое радостно ликует...”» [137, т. IV, с. 302, § 612—613; 396, с. 651; 397, с. 76].

Как видим, ответ Амуна адресован только законному фараону, который в гипостильном зале всегда изображается [С. 140] единственным, кого боги удостаивают своими восхвалениями и благодарственными обещаниями даже в тех сценах, в которых Херихор представлен в качестве самостоятельно действующего лица. Однако в рамках этой традиции, признающей приоритет фараона, соблюдаемой еще в гипостильном зале храма Хонсу, «первый жрец» Амуна-Ра, царя богов, и одновременно великий начальник войска Верхнего и Нижнего Египта Херихор уже объявляет о таких своих притязаниях, которые этой традиции противоречат. Так, он осмелился изобразить себя в гипостильном зале в ряде случаев подменяющим царствующего фараона или выступающим вместе с ним в таких ситуациях, в которых полагалось фигурировать одному только фараону. Можно не сомневаться в том, что именно Херихор был фактическим руководителем всех

реставрационных работ, осуществлявшихся в гипостильном зале, и лишь он один возглавлял те обрядовые действия, которые были в этом зале изображены. Однако фиксировать подобное свое активное участие в делах, за которые отвечал лишь фараон, в соответствующих сценах и надписях, начертанных на стенах гипостильного зала храма Хонсу, со стороны Херихора было вызовом традиции, несмотря на то что в этом зале он еще не решался полностью игнорировать Рамсеса XI, признавая исключительные права последнего на внимание богов²⁹.

В надписях и изображениях гипостильного зала храма Хонсу Херихор предстает перед нами прежде всего в двух своих основных функциях — как верховный фиванский жрец и как военачальник. Обладая такими почетными титулами, как верховный правитель, начальник обеих земель, «семер», великий во всей земле, Херихор подчеркивает в текстах гипостильного зала главным образом свои должностные звания «„первого жреца” Амуна-Ра, царя богов, и великого начальника войска Верхнего и Нижнего Египта». (Кроме того, Херихор аттестуется здесь в качестве «главы Верхнего и Нижнего Египта и начальника работ по сооружению всех памятников его величества» [258, § 111].) Ни царским сыном Куша, ни начальником южных стран, ни начальником двойной житницы, ни визирем Херихор в надписях гипостильного зала еще не назван. Первые три из этих четырех титулов, определявших экономическую и административную власть в Фивах, как и почетное придворное звание носителя опахала по правую сторону от царя, Херихор, по мнению Я. Черны, мог получить, захватив должности изгнанного им из Фив Панехси [168, с. 33]. Когда это случилось и когда Херихор решился прибавить к своим основным званиям — жреческому и военному — еще и звание царского сына Куша (с сопутствующими ему титулами), точно определить, конечно, невозможно. Бесспорно одно: для этого (в качестве предпосылки) требовалось открытое столкновение с Панехси, и, с нашей точки зрения, коль скоро Херихор, как мы считаем, никогда не был связан с Панехси какими-либо узами, это могло быть сделано [С. 141] немедленно после вытеснения из Фив столь одиозного предводителя кушитского войска³⁰.

По каким-то причинам, однако, это сразу, по-видимому, не произошло, поскольку в гипостильном зале храма Хонсу, внутреннее оформление которого могло завершиться только по истечении определенного времени, Херихор, как мы уже отметили, не имел ни звания царского сына Куша, ни звания начальника двойной житницы. Как обладатель подобных должностей, Херихор фигурирует лишь в записях знаменитого оракула Хонсу и Амуна, начертанных в нижней части восточной (правой) половины северной (задней) стены переднего двора храма Хонсу, рядом с проходом, ведущим в гипостильный зал [137, т. IV, § 615, стк. 2; 142, табл. XXI, стк. 2; 381, ч. III с. 248, b; 382, т. III, 1900, с. 64], и потому можно думать, что присвоение Херихором вышеназванных должностей Панехси произошло где-то в самом конце работ по реставрации гипостильного зала и, следовательно, через какой-то срок после изгнания Панехси из Фив и провозглашения в 19-й год правления Рамсеса XI эры «Повторения рождений». Связывать сам факт обращения к оракулу Хонсу и Амуна с утверждением Херихора в должности Панехси, вопреки Г. Фехту, [230, с. 25—26], по нашему мнению, не следует. В тексте оракула Херихор уже предстает перед нами как царский сын Куша и начальник двойной житницы, и о божественном санкционировании его в этих должностях в оракуле речь не идет. К моменту осуществления записи решения оракула Херихор уже имел должности Панехси (о чем и сказано уже во второй строке оракула), и потому присвоение Херихором титулов Панехси (в частности, титула царского сына Куша) должно было произойти несколько ранее фиксации ответа оракула — по-видимому, на последнем этапе реставрационного оформления гипостильного зала.

По-видимому, следует согласиться с мнением Я. Черны, что после захвата должностей Панехси Херихору оставалось еще «взять контроль над гражданской администрацией Египта путем присвоения титула начальника города и сопутствующего ему (титула) визиря. Это вряд ли могло случиться прежде, чем визирь Небмаатранахт умер, был переведен на должность визиря в Дельту или был иным способом отстранен от своих

обязанностей в Верхнем Египте» [168, с. 34]. Поскольку Небмаатранахт, как визирь, руководивший судебными разбирательствами по делу о грабежах в царском некрополе, имел резиденцию в Фивах еще в 1-й и 2-й годы эры «Повторения рождений» (т. е. в 19-й и 20-й годы правления Рамсеса XI) [116, с. 90], захватить его должности Херихор мог лишь несколько позднее. Ни один из текстов гипостильного зала храма Хонсу не свидетельствует, что Херихор имел звание визиря, поэтому, следовательно, он стал визирем (как и царским сыном Куша) уже скорее всего после завершения реставрационных работ в этом зале. [С. 142]

* * *

Как мы отмечали выше, Херихор, несомненно, уже в 6-й год эры «Повторения рождений» был верхнеегипетским визирем, о «чем свидетельствуют пометки, оставленные на гробах Сети I и Рамсеса II при их перезахоронении [137, т. IV, с. 288, § 593—594; 185, № 61019, 61020, с. 30, 32, табл. XVI, XVIII, XX, XXII; 258, § I—II; 396, с. 553, 557, фиг. 15]³¹. В то же время в Карнакском храме Хонсу в качестве визиря Херихор нигде не аттестуется — ни в надписях гипостильного зала, ни в записи оракула Хонсу и Амуна. В последнем случае можно лишь предполагать, что, коль скоро Херихор фигурирует в тексте оракула как начальник города (Фив), он был в это время и визирем. В Карнаке, однако, как мы уже отмечали, была найдена сидячая статуя Херихора из серого гранита, на цоколе и на поверхности воспроизведенного в камне папируса на коленях Херихора начертана пространная надпись, явственно характеризующая Херихора как визиря [367, с. 63—68].

Эта статуя была добыта из того самого знаменитого карнакского тайника, из которого в 1903—1904 гг. Ж. Легрен извлек около 20 тыс. различных памятников и обломков. Как утверждает Г. Лефевр, до Херихора, во времена XVIII династии, лишь Хапусенеб (приближенный Хатшепсут), Птахимос (современник Аменхотепа III) и еще некий Панефер (живший при каком-то фараоне XVIII династии) были одновременно и визирями Верхнего Египта, и верховными фиванскими жрецами. Позднее, вплоть до Херихора, по мнению Г. Лефевра, ни один фиванский верховный жрец не носил звания главы верхнеегипетской администрации [367, с. 63, примеч. 3, 4]. Следует подчеркнуть, что в самом факте сочетания высших жреческих и светских административных должностей в руках Херихора не приходится, конечно, видеть что-либо необычное. В принципе такое сочетание было вполне естественно, поскольку, как мы уже имели возможность отметить, в древнем Египте не существовало резкого противопоставления друг другу так называемых светских и духовных обязанностей, и потому в определенных обстоятельствах, зависящих от соотношения сил в борьбе различных группировок единой государственной администрации, могло происходить сосредоточение в руках одного и того же лица функций руководства как светским, так и духовным ведомством. Если должность верхнеегипетского визиря, как полагает Г. Лефевр, по крайней мере четыре раза совмещалась с должностью главы фиванского культа Амуна-Ра, царя богов, то и некоторые визиры Нижнего Египта бывали одновременно руководителями мемфисского, гелиопольского или танисского жречества. Сосредоточивались в одних руках и иные светские и жреческие должности³².

Специфичным для Херихора — фиванского верховного жреца и верхнеегипетского визиря было лишь то, что он [С. 143] действовал в исключительно благоприятной для себя политической обстановке, практически независимо от Рамсеса XI, сидевшего на царском престоле в далекой северной столице. (Полное игнорирование Рамсеса XI наглядно проявилось в тексте на упомянутой выше статуе Херихора.) Специфичным и необычным (с точки зрения древнеегипетской административной практики эпохи Нового царства) было также то, что Херихор (еще до посягательства на царский титул) имел не только должности фиванского верховного жреца и верхнеегипетского визиря, но и многие другие звания с весьма значительными должностными прерогативами, такие, как великий начальник войска³³, глава Верхнего и Нижнего Египта, царский сын Куша, начальник двойной

житницы, начальник города (Фив) (и некоторые другие), что все вместе, конечно, делало Херихора почти неограниченным правителем Фив и всего Верхнего Египта.

Что касается должности верхнеегипетского визиря, то в отношении ее следует подчеркнуть следующее: будучи, казалось бы, по самой своей природе, признаком подданства, признаком зависимости от фараона — верховного суверена страны, она (эта должность) предстает в тексте на статуе Херихора как свидетельство подчинения последнего не Рамсесу XI, а исключительно самому Амуна-Ра, царю богов.

Как и аналогичные статуи «первых жрецов» Амуна Рамсесунахта и Аменхотепа, статуя Херихора изображает своего хозяина сидящим на корточках в типичной позе писца с развернутым свитком папируса на коленях. На цоколе и на свитке имеется надпись:

«(1) Дана по милости владыки богов, существующего вечно, с момента сотворения двух земель.

(2) Дал он (мне) длительное пребывание внутри храма его

(3) как полезному для Ка его. И вот статуя моя установлена

(4) перед лицом его. Приветствует он ее при появлении своем

(5) [ради] Ка верховного правителя, «первого жреца»

(6) Амуна-Ра, царя богов, начальника города, визиря,

(7) царского сына Куша, начальника войска

(8) великого Верхнего и Нижнего Египта, успокаивающего обе земли

(9) для господина своего Амуна, Херихора правогласного»³⁴.

(10) «Великий правитель, начальник двух земель, „семер”, великий во всей земле, визирь, открытый правде, слушающий речи людей юга, начальник южных стран, делающий полезное в доме Амуна, для которого работает вся земля полностью, „первый жрец” Амуна-Ра, царя богов, Херихор правогласный. Что касается любого из людей, который уберет эту статую с ее места (даже) по прошествии многих лет, будет он во (власти) [С. 144] мощи Амуна, Мут, Хонсу. Не будет существовать имя его в земле этой Египта. Умрет он от голода и жажды»³⁵.

Обратим внимание, что в вышеприведенных записях царствующий фараон Рамсес XI нигде не упомянут. Как справедливо отмечает в данной связи Г. Лефевр, «привилегия иметь статую предоставлена Херихору не в соответствии с обычной формулой, а „по милости Амуна” (А, 1); и если Херихор „успокаивает обе земли” (А, 8), то это для своего господина Амуна, но не для царя» [367, с. 68]. Рамсес XI игнорируется, таким образом, полностью, хотя сам факт обладания званием визиря и показывает, что Херихор ко времени создания его статуи еще не решался присвоить себе царский титул³⁶.

Став верхнеегипетским визирем, Херихор, по сути дела, исчерпал все легальные возможности для максимального укрепления своей власти в Фивах в рамках официально декларируемой преданности Рамсесу XI, царствовавшему в далеком Пер-Рамсесе. Теперь перед Херихором возникла проблема выбора дальнейшего пути, и вряд ли можно сомневаться в том, что в тот момент его самым сокровенным желанием было захватить престол фараонов. Однако по причинам, о которых нам сейчас довольно трудно судить и о которых до открытия новых документальных материалов мы едва ли сможем сказать что-либо определенное, последний решительный шаг к трону Херихор сделал очень своеобразно: маску верности Рамсесу XI он сбросил как бы полулегально, главным образом лишь в текстах, начертанных в его любимом храме Хонсу [168, с. 34—35; 347, с. 16, § 14, с. 20—21, § 17]³⁷.

Только здесь в надписях и в рельефных сценах, покрывающих стены, колонны и архитравы переднего двора храма Хонсу (а также косяки прохода из гипостильного зала в святилище и фасад пилона), Херихор, как мы уже в свое время указывали, отважился на присвоение полного царского титула, со всеми традиционными царскими именами и эпитетами. Другие упоминания о Херихоре в качестве царя крайне редки³⁸, и потому имеются все основания считать, что в глазах современников верховного фиванского жреца, в том числе и фиванцев, законным фараоном вплоть до, по-видимому, вскоре последовавшей

кончины Херихора оставался фактически безвластный в Фивах, но все еще признаваемый верховным сувереном страны Рамсес XI. К последнему выводу можно прийти, в частности, учитывая и данные уже упоминавшейся нами фиванской надписи об оракуле Амуна в 7-й год эры «Повторения рождений», в которой царствующим фараоном назван Рамсес XI, а верховным фиванским жрецом — сын Херихора Пианх [437, стк. 1—2, 10—11]. Содержание оракула, в котором «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, в 7-й год эры «Повторения рождений», т. е. в 25-й год царствования еще здравствующего Рамсеса XI, провозглашается не Херихор, а Пианх, породило острую дискуссию, [С. 145] которую мы подробно проанализируем ниже. Однако к настоящему времени в египтологической литературе преобладание получила, на наш взгляд, совершенно справедливая констатация, что в 7-й год эры «Повторения рождений» и, следовательно, в 25-й год царствования Рамсеса XI Херихор уже умер и потому должность фиванского жреца перешла к Пианху [168, с. 35—36; 242, с. 305; 306, с. 204—205; 347, с. 17—23, § 15—20; 563, с. 3—4, примеч. 13]³⁹.

Херихор был, бесспорно, весьма своеобразным «фараоном», «фараоном» полулегальным, призрачным, провозглашенным таковым по всей форме главным образом лишь в переднем дворе храма Хонсу. Именно это обстоятельство не учитывала старая, многолетняя египтологическая традиция, которая, ссылаясь на факт хорошо прослеживаемого качественного скачка в титулатуре Херихора, засвидетельствованного в его надписях, утверждала, например, что при переходе из гипостильного зала в передний двор храма Хонсу современный посетитель как бы становится наблюдателем знаменательного «предельного момента» «как в процессе сооружения храма Хонсу, так и в истории государства» [25, т. II, с. 204], момента, когда «Херихор осмелился лишиться власти Рамсеса, который тогда правил, и поставить себя царем на его место» [394, кн. II, гл. VI, с. 272]⁴⁰.

В действительности, как теперь можно считать уже установленным, Херихор не только не лишился власти Рамсеса XI, но и сам умер до окончания царствования последнего. (К более подробному обоснованию данного тезиса мы еще вернемся в связи с разбором надписи об оракуле Амуна в 7-й год эры «Повторения рождений».)

В процессе все большего возрастания честолюбивых замыслов Херихора, приведшем его в итоге к присвоению титулатуры фараонов, прослеживается несколько этапов. Если в надписях гипостильного зала храма Хонсу Херихор предстает перед нами главным образом как «первый жрец» Амуна-Ра, царя богов, и военачальник — великий начальник войска Верхнего и Нижнего Египта, конкурирующий с царствующим Рамсесом XI, но все же формально признающим его верховную власть, если в надписях переднего храма Хонсу Херихор уже аттестуется как настоящий фараон, не имеющий соперников, то в надписях и сценах, покрывающих поверхность косяков прохода из гипостильного зала в святилище храма Хонсу, фиванский верховный жрец показан как бы на промежуточной стадии своего пути к высшей власти. Как пишет Я. Черны, «косяки двери, ведущей из гипостильного зала в святилище, показывают, возможно, переходную стадию от Херихора гипостильного зала к Херихору переднего двора. В каждой из шести сцен титулы и имя Херихора заключены в два картуша. „Первый жрец Амуна” — в первом, „Сын Амуна Херихор” — во втором. За исключением эпитетов „Благой бог и Сын Ра”, никакой другой царский титул не предпослан картушам в каком-либо из шести случаев. В переднем дворе, однако, [С. 146] все сделано Херихором только от своего имени. Здесь он носит полную царскую титулатуру, состоящую из пяти традиционных имен» [168, с. 34].

Обратимся теперь для характеристики заключительного этапа в эволюции честолюбивых замыслов Херихора к анализу текстов и изображений переднего двора храма Хонсу [158, т. II, с. 221—231].

В переднем дворе храма Хонсу Херихор предстает перед нами как настоящий фараон, с полным набором царских имен, хотя призрачный характер его царствования обнаруживается и здесь. Так, в двух надписях, занимающих по три строки, начертанных на архитравах над двумя боковыми колоннадами, Херихор, как фараон, наделен всеми

традиционными именами, в том числе двумя, заключенными в картуш: «Сын Амуна Херихор» и «Первый жрец Амуна». Однако согласно буквальному значению второго имени в качестве главного аргумента, оправдывающего захват царского престола и присвоение царской титулатуры, сам Херихор смог предъявить лишь факт наличия у него звания верховного фиванского жреца. В стк. 1 надписи, начертанной на архитраве над западной (левой) колоннадой, вместе с «Горовым» именем титулатура Херихора выглядит следующим образом: «Живой Гор, могучий бык, сын Амуна... царь Верхнего и Нижнего Египта, правитель Египта, владыка двух земель, „Первый жрец Амуна”» [137, т. IV, с. 305, § 622; 158, т. II, с. 222; 258, § XII]. В стк. 2 этой же надписи содержится так называемое царственное имя «Небти» Херихора, звучащее так: «Жизнь двух богинь, удовлетворяющий богов, сооружающий дом их, создающий радость для Ка их, сын Ра, любимый владыками храмов, владыка диадем „Сын Амуна Херихор”» [137, т. IV, с. 305—306, § 623; 158, т. II, с. 222; 258, § XII]. В стк. 3 той же надписи, начертанной на архитраве над западной (левой) колоннадой переднего двора храма Хонсу, имеется царское имя Херихора — «Золотой Гор» в таких сочетаниях титулов и славословий: «Живой золотой Гор, творящий полезное в Карнаке для своего отца Амуна, создающий прекрасное, царь Верхнего и Нижнего Египта, любимец великой божественной эннеады, владыка двух земель „Первый жрец Амуна”, царь любимый, подобно Ра, делающий праздничным Карнак, защищающий его для богов. Владыки Фив в радости, сердца их удовлетворены, когда видят они дом Хонсу в Фивах, Неферхотепа, подобным горизонту в небе. Люди — восхваляют они красоту... возлюбленного царя Верхнего и Нижнего Египта... владыки двух земель „Первого жреца Амуна” любимца Хонсу (в) Фивах» [137, т. IV, с. 306, § 624; 158, т. II, с. 223; 258, § XII].

В трехстрочной надписи, начертанной на архитраве над восточной (правой) колоннадой переднего двора храма Хонсу, содержатся те же традиционные царские имена и титулы Херихора, которые были включены в рассмотренную нами выше надпись на архитраве над западной (левой) колоннадой. Однако [С. 147] в деталях эти имена и титулы все же различаются. Это свидетельствует о том, что при составлении данных надписей не придерживались строгого единообразия в оформлении титулатуры Херихора, используя довольно свободно традиционный набор имен и славословий [258, § XIII—XIV].

Так, в стк. 1 надписи, начертанной на архитраве над восточной (правой) колоннадой, «Горово» имя Херихора предстает в следующем обрамлении эпитетов и восхвалений: «Живой Гор, могучий бык, сын Амуна, великий полезным в Карнаке, царь Верхнего и Нижнего Египта, правитель, подобный Ра, владыка двух земель „Первый жрец Амуна”. Сделал он в качестве памятника своего для царственного отца своего Амуна-Ра, царя богов. Сделал (он) для него широкий двор (по имени „двор) „Первого жреца Амуна”, „Сына Амуна Херихора”, великого любовью в доме Хонсу” заново, из прекрасного, прочного белого камня» [137, т. IV, § 625; 158, т. II, с. 223; 258, § XIV; 381, ч. III, с. 144, а; 382, т. III, 1900, с. 61]. В стк. 2, 3 той же надписи, начертанной на архитраве над восточной (правой) колоннадой, имя «Небти» и имя «Золотой Гор» оформлены также несколько отлучно от подобных же царских имен в строках надписи на архитраве над западной (левой) колоннадой: «Жизнь двух богинь, очищающий бенбен, наполняющий его памятниками, сын Ра, любимец духов Гелиополя, владыка диадем, „Сын Амуна Херихор”, „Живой золотой Гор”, творящий... мощью (?), удовлетворяющий богов, владык... царь Верхнего и Нижнего Египта, делающий праздничными Фивы, владыка, делающий вещи, „Первый жрец Амуна”» [258, § XIV].

Как можно заметить, царские имена и эпитеты Херихора соответствовали традиционным требованиям, хотя и составлялись они, по-видимому, в некоторой спешке, что и привело к их несущественному варьированию в надписях, высеченных на архитравах над западной (левой) и восточной (правой) колоннадами переднего двора храма Хонсу. Необычный характер имеют только два имени, заключенные в царский картуш, и в особенности то из них — «Первый жрец» Амуна,— которое по своему буквальному значению является лишь титулом фиванского верховного жреца. Призрачность,

нереальность царствования Херихора отразилась в этом царском имени с достаточной определенностью.

В переднем дворе храма Хонсу заключенные в картуш имена Херихора — «Сын Амуна Херихор» и «Первый жуец Амуна» — встречаются многократно. Так, у восточной (привой) колоннады располагается рельефная сцена, изображающая пилон храма Хонсу с четырьмя флагштоками с каждой стороны портала. Надпись, помещенная в рельефной сцене под архитравами пилона и за флагштоками, содержит имена и титулы Херихора, соответствуя тому тексту, который был высечен на реальном пилоне [381, ч. III, с. 248, i, h] (над надписью изображен коршун, парящий над центральными воротами пилона): «Живой [С. 148] Гор, могучий бык, сын Амуна-Ра, царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка двух земель, „Первый жрец Амуна“, сын Ра из тела его, „Сын Амуна Херихор“. Сделал он в качестве памятника своего для отца Амуна-Ра, царя богов. Восстановил он блеск Фив вновь (ради того), чье имя скрыто... упрочил он дом Хонсу в Фивах Неферхотепа на века» [137, т. IV, с. 306, § 626; 158, т. II, с. 226; 381, т. III, с. 243, b и др.].

На восточной (правой) стороне переднего двора храма Хонсу, в юго-восточном углу колоннады, над проходом в стене, имеется интереснейшая сцена, изображающая в четырех регистрах коронацию Херихора. Последний показан в царском одеянии без признака жреческого достоинства — шкуры пантеры, совершающим жертвоприношения. Далее Херихор представляется Амуну-Ра и Мут. Он сидит между двумя богинями (Нехбет и Уаджит), обобщенно именуемыми как некое единое божество «Небти», в то время как Гор, сын Исиды, надевает ему на голову белую корону Верхнего Египта. В другой аналогичной сцене Нехбет и Уаджит возлагают на Херихора красную корону Нижнего Египта. В сопроводительных надписях зафиксированы выдержанные в традиционном стиле приветствия Гора, Нехбет и Уаджит: «Речь Гора, сына Исиды, к сыну своему, „Сыну Амуна Херихору“: „Укрепил я для тебя белую корону на голове твоей, подобно отцу твоему Ра. Распространил я страх (перед) тобой по всем чужеземным странам. Вожди их повергнуты мощью твоей. Связал я для тебя страну каждую полностью. Воссиял ты на троне Гора“. Речь „Небти“, владыки (sic!) южной земли, возлюбленного (sic!) Ра, начальника двух земель, к сыну его, „Сыну Амуна Херихору“: „Укрепил я (sic!) для тебя красную корону на голове твоей. Взял ты регалии отца своего Ра. Превознес я (sic!) достоинства твои во всех странах. Ужас (перед тобой) проник в сердца их“» [158, т. II, с. 227].

Несколько ниже, в третьем большом регистре, Херихор изображен, как и в большинстве храмовых рельефов, с бритой головой, совершающим воскурения и возлияния перед тремя членами фиванской триады богов — Амуну-Ра, Мут, Хонсу [158, т. II, с. 227, № 12]. Портрет Херихора воспроизведен и на поверхности пятой колонны второго ряда восточной (правой) колоннады переднего двора храма Хонсу [158, т. II, с. 227; 258, § XVI; 381, ч. III, с. 300, примеч. 75; 382, т. III, 1900, с. 61].

Все колонны переднего двора, расположенные как у восточной (правой), так и у западной (левой) стены, покрыты аналогичными изображениями богов, а также надписями, содержащими имена и титулы Херихора — царя, объявленного любимцем Амуна-Ра, Мут, Хонсу [158, т. II, с. 228].

На западной (левой) стене переднего двора храма Хонсу Херихор выступает как приносящий жертвенные дары фиванской божественной триаде — Амуну-Ра, Мут, Хонсу, а также Монту и Хатор. В другой сцене Херихор показан представляемым Амуну-Ра членами его божественной семьи — Мут и Хонсу. [С. 149] В северо-западном углу западной (левой) стены помещена длинная цепочка фигур, изображающих детей Херихора (19 или 20 сыновей и как минимум 5 дочерей). Все они характеризуются как «сыновья (дочери) царя из тела его». Возглавляет всю цепочку сын Херихора, непосредственно следующий за своей матерью, «(наследной царевной), великой почетом госпожой двух земель, госпожой очарований, сладкой любовью, старшей гарема Амуна-Ра, царя богов, великой женой царя, любимой им] Неджемт правогласной» [158, т. II, с. 229; 258, с. 236, § XVIII; 381, ч. III, с. 247, a].

Относительно имени того, кто был представлен шествующим впереди других детей Херихора, до недавнего времени не возникало никаких споров: считалось (и большинством исследователей считается и до сих пор), что здесь изображен сын и наследник Херихора Пианх, носивший в те годы звания начальника лошадей владыки двух земель, великого начальника дома Амуна, жреца Мут, Хонсу. Лишь в опубликованной в 1975 г. маленькой заметке Эд. Ф. Венте было высказано предположение, что в данном случае имелся в виду другой сын Херихора — Анхефенмут. [566, с. 37]. (Соображения Эд. Ф. Венте нами уже были рассмотрены выше.)

Все члены семьи Херихора показаны как участники религиозной процессии во время праздника «опет». Здесь же изображены переносимые жрецами ритуальные барки Амуна, Мут, Хонсу. Согласно двум сопроводительным надписям, барка Амуна была сооружена специально к празднику «опет». Поскольку из повествования о путешествии Ун-Амуна в Финикию известно, что посланец Херихора отправился за древесиной для священной барки Амуна Усерхата скорее всего в 5-й год эры «Повторения рождений»⁴¹, тогда как по мнению Ч. Ф. Нимса, специально исследовавшего надписи Херихора в переднем дворе храма Хонсу, внутреннее оформление этого двора могло завершиться в течение одного года [563, с. 3—4, примеч. 13], приходится прийти к заключению, что надписи и изображения переднего двора храма Хонсу, характеризующие Херихора как фараона, были выполнены, во-первых, после 5-го года эры «Повторения рождений» и, во-вторых, по-видимому, где-то в 6-й или в 7-й год этой эры.

В глубине переднего двора храма Хонсу, на стене к востоку (справа) от прохода в гипостильный зал, два верхних рельефных регистра демонстрируют прославление фиванской триады богов. В нижнем регистре той же стены большую часть ее занимает сцена, на которой представлена группа жрецов, несущих на своих плечах большую священную барку Хонсу. Херихор фигурирует в данной сцене как бы выходящим из прохода в гипостильный зал навстречу священной барке Хонсу, перед которой совершает воскурение [158, т. II, с. 229—230]. В надписи, высеченной над изображением барки, бог Хонсу обращается к Херихору со следующими словами приветствия: «Сын [С. 150] Ра, „Сын Амуна Херихор“ благой бог, „Первый жрец Амуна“⁴², любимый Хонсу Неферхотепом в Карнаке! Дал (я) тебе весьма многочисленные юбилеи, подобно отцу твоему Ра. Дал (я) тебе страну каждую полностью. „Девять луков“ повергнуты мощью твоей». Речь Хонсу Неферхотепа в Фивах: „Сын мой любимый, владыка двух земель, „Сын Амуна Херихор“! О, сколь прекрасен памятник этот чудесный, чистый, отличный, который ты сделал для меня! Сердце мое удовлетворено, видя их (sic!). Даю я тебе награду за них (sic!) в виде жизни, прочности, процветания, царствования над двумя землями в покое, подобно Ра”» [137, т. IV, с. 304, § 619; 158, т. II, с. 231; 396, с. 653].

Таковы главные сцены и надписи переднего двора храма Хонсу, демонстрирующие, с одной стороны, как бы полное осуществление всех честолюбивых устремлений Херихора⁴³, но, с другой стороны, по ряду признаков — по некоторому разнобою в царских именах, эпитетах и словословиях, и прежде всего по характеру тронного имени, в котором Херихор предстает, в сущности, лишь как «Первый жрец Амуна» — показывающие, что мечты Херихора о престоле фараонов так и не сбылись. «Царство» Херихора было призрачной иллюзией. За пределами храма Хонсу (а также вне текстов и предметов заупокойного назначения, принадлежащих, в частности, его жене Неджемт) Херихор как фараон нигде не аттестуется. Последнее и неудивительно, коль скоро жизненный путь Херихора завершился в годы правления законного фараона Рамсеса XI, ни свергнуть которого с трона, ни пережить которого Херихору так и не удалось.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПРАВЛЕНИЯ ХЕРИХОРА

Как мы уже указывали, основное свидетельство о том, что Херихор умер раньше окончания царствования Рамсеса XI, содержится в тексте, фиксирующем решение оракула

Амуна от 7-го года эры «Повторения рождений». На анализе этого текста необходимо поэтому остановиться специально.

Стела, на которой было записано решение оракула Амуна, состоявшегося во время праздника «опет» в 7-й год эры «Повторения рождений», известна сравнительно давно. На нее еще в 1923 г. ссылались Я. Черны и Т. Е. Пит. В 1948г. текст оракула воспроизвел и прокомментировал Ч. Ф. Нимс [437, с. 157— 162]. Вот этот текст:

- «(1) Носитель опахала с правой стороны царя, царский сын Куша, „первый жрец”
- (2) Амуна-Ра, царя богов, начальник войска, правитель Пианх правогласный,
- (3) „второй жрец” Амуна Несиамуна,
- (4) жрец-„уаб”, писец хранилища дома Амуна Несиамун⁴⁴;
- (5) Амун-Ра, владыка тронов двух земель, находящийся перед Карнаком, [С. 151]
- (6) владыка неба, царь богов, находящийся во главе
- (7) великой эннеады богов,
- (8) изначальный владыка двух земель,
- (9) создающий все сущее.
- (10) Год 7-й эры „Повторения рождений”, месяц третий периода шему⁴⁵, день 28-й при
- (11) величестве царя Верхнего и Нижнего Египта Менмаатра Сетепенптаха, Рамсеса Хеканечериун (Рамсеса XI.— *И. С.*).
- (12) [День] явления величества бога этого почтенного Амуна-Ра, царя богов,
- (13) [в]⁴⁶ утреннее время в празднование его прекрасное „опет величества его”.
- (14) Великий бог был укреплен⁴⁷ на переносной платформе⁴⁸. Затем
- (15) сказал ему (т. е. Амуну-Ра.— *И. С.*) начальник войска Пианх правогласный, заявив:
- (16) „О мой прекрасный господин! Сделай утверждение по поводу слов относительно тво[его]
- (17) [достояния (?)”]⁴⁹. Великий бог дважды энергично наклонил голову⁵⁰. Затем
- (18) [был зачитан (?) список должностных лиц]⁵¹ весь его дома перед ним. [Он]
- (19) [отклонил (?)”]⁵² контролеров⁵³ божественных жертвоприношений.
- (20) [Снова сказал] он (т. е. Пианх.— *И. С.*), заявив: „О мой прекрасный господин! Были ли
- (21) отклонены⁵⁴ контролеры божественных жертвоприношений?” Затем
- (22) великий бог дважды энергично наклонил голову, в то время как они были повторены пе-
- (23) [ред] ним полностью. Он сделал утверждение относительно Несиамуна правогласного,
- (24) [сына] Ашахет правогласного, бывшего в качестве писца хранилища дома Амуна.
- (25) Затем повторил он (т. е. Пианх.— *И. С.*), сказав: „Назначили ли его в писцы хранилища дома
- (26) [Амуна] на место отцов его?” Затем великий бог [дважды] энергично наклонил голову
- (27) ...дважды».

Как видно, в тексте оракула зафиксирован протокол запроса к Амуну по поводу утверждения в доходной должности писца хранилища дома Амуна некоего жреца-«уаба» Несиамуна, сына Ашахет, также бывшего писцом хранилища дома Амуна. Должность эта была наследственной в роду Несиамуна, так как принадлежала «отцам его». Сам Несиамун еще до решения оракула уже назван в стк. 4 (а также в 24-й) надписи писцом хранилища дома Амуна, и потому в данном случае, по-видимому, речь шла фактически о продлении полномочий Несиамуна. [С. 152] Это продление (или утверждение) было произведено тем традиционным способом, к которому прибегали обычно в такого рода ситуациях: перед статуей божества, покоящейся на переносной платформе, был зачитан список контролеров (*rwḏw*) — претендентов на искомую должность. Все они были отклонены Амун

(естественно, теми, кто нес его статую), и лишь кандидатура Несиамуна получила божественное одобрение. В итоге Несиаун оказался утвержденным в должности своих предков. Все это произошло в присутствии «второго жреца» Амуна Несиаунра и «первого жреца» Амуна, начальника войска, предводителя Пианха в 7-й год эры «Повторения рождений». Коль скоро в этот год царствующим фараоном, согласно стк. 11 текста оракула, назван Рамсес XI (это был его 25-й год правления), а фиванским верховным жрецом Пианх, остается только сделать естественный вывод: Херихор к этому времени уже умер, что и позволило Пианху занять в Фивах должность своего отца. Подобное заключение напрашивается само собой, и потому к нему пришло, как мы уже отмечали, пожалуй, большинство исследователей, в том числе А. Гардинер, Я. Черны, В. Хелк, Эд. Ф. Венте, К. А. Китчен [168, с. 35—36; 242, с. 305; 306, с. 204—205, 347, с. 17—23, § 15—20; 563, с. 3—4, примеч. 13]. Нашлись, однако, и противники предложенной выше интерпретации текста оракула, выдвинувшие свои контраргументы. Среди них оказался Ч. Ф. Нимс, поддержанный впоследствии Е. Юнгом, Г. Кеесом, Е. Горнунгом [317, с. 102; 318, с. 439; 335, с. 14—15; 437, с. 161; 580, с. 112, примеч. 64].

Доводы, которыми оперировали сторонники старого, традиционного восприятия хронологической взаимосвязи Херихора и Рамсеса XI, были тщательно проанализированы и отвергнуты Я. Черны, Эд. Ф. Венте, К. А. Китченом. Поскольку, однако, вопрос этот имеет большое принципиальное значение, стоит более подробно рассказать о ходе развернувшейся дискуссии.

При обследовании стелы, на которой было записано решение оракула Амуна, можно заметить, что весь помещенный на ней текст состоит из двух частей. Сначала, в верхнем регистре стелы, там, где были высечены изображения Пианха, Несиаунра и Несиамуна, в стк. 1 и 9, с соответствующими эпитетами перечисляются действующие лица: 1) «первый жрец» Амуна, начальник войска, правитель (*h3tj-ꜣ*) Пианх (стк. 1, 2); 2) «второй жрец» Амуна Несиаунра (стк.3); 3) жрец-«уаб», писец хранилища дома Амуна, Несиаун (стк. 4) и, наконец, 4) великий бог Амун-Ра (стк. 5, 9). Затем, начиная со стк. 10, излагается сам ход обращения к божественному суду Амуна. Поскольку в этой второй, основной части текста упоминаемый стк. 15, 20, 25 Пианх (в отличие от стк. 1, 2) нигде не назван «первым жрецом» Амуна и лишь имеет (в стк. 15) титул Начальника войска (*mr mšꜣ*), как будто бы появляется возможность противопоставить Пианху стк. 15 Пианха стк. 1 и 2. В итоге становится правомочным объявить текст стк. 1 и 2 записанным [С. 153] позднее времени провозглашения решения оракула, т.е. тогда, когда уже якобы после смерти Рамсеса XI и Херихора Пианх смог занять в Фивах пост верховного жреца Амуна-Ра.

Как писал Ч. Ф. Нимс, «возможным преодолением этой трудности (т. е. трудности согласования данных оракула с традиционной исторической схемой.— *И. С.*) является признание того, что надпись является анахроничной, т. е., если оракул бы произнесен в указанную дату, он был записан лишь позднее, по прошествии нескольких лет, и титулы, принадлежащие Пианху, были теми титулами, которые он носил во время записи, но не во время (свершения) оракула» [437, с. 161].

По мнению Г. Кееса, участие в процессе божественного суда «второго жреца» Амуна-Ра Несиаунра также якобы свидетельствует о том, что Херихор в момент объявления решения Амуна еще был жив, поскольку в противном случае, став действительно «первым жрецом» Амуна-Ра вместо своего отца Пианх не нуждался бы в посредничестве «второго жреца» Амуна-Ра Несиаунра [335, с. 14]. Логика рассуждения Г. Кееса здесь не совсем понятна. Допустим, что Херихор поручил рассмотрение столь незначительного дела, как вопрос о продлении полномочий какого-то ничтожного писца хранилища дома Амуна, «второму жрецу» Амуна-Ра Несиаунра, почему же тогда нельзя с таким же успехом предположить, что подобное поручение передал Несиаунра и сын Херихора Пианх? Присутствие «второго жреца» Амуна-Ра в момент объявления божественного суда, как видим, отнюдь не указывает со всей бесспорностью на более позднюю приписку тех первых строк стелы, в которых Пианх фигурирует как фиванский верховный жрец. Ссылка Г. Кееса

на то, что изображенный на стеле Пианх не представлен в жреческой одежде, также не является абсолютно доказательной, поскольку, как известно, и Херихор не всегда изображался в подобном одеянии. Например, в сцене коронации помещенной на восточной (правой) стороне переднего двора храма Хонсу, в юго-восточном углу колоннады, над проходом в стене, Херихор показан без признаков жреческого достоинства [158, т. II, с. 227]. Известно, что Пианх, как и Херихор, имея наряду со жреческими и многие светские титулы (прежде всего он располагал званием начальника войска), и потому он мог быть представлен на стеле, зафиксировавшей решение оракула Амуна в 7-й год эры «Повторения рождений», без специфических жреческих атрибутов. Во многих письмах, составленных тогда, когда Пианх, без всякого сомнения, уже был «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, он аттестуется только как светское лицо — начальник войска (*mr mšꜥ*) [563, № 19, 21, 22, 30, 34, 35, с. 52—54, 65, 68—69], и потому вполне можно допустить, что и в своих изображениях Пианх отнюдь не стремился всегда подчеркивать свои жреческие функции. Светский облик Пианха, изображенного на стеле с записью оракула Амуна, не может таким образом, обосновать утверждение Г. Кееса, будто бы «вопрос [С. 154] о дате смерти Херихора должен... оставаться открытым» [335, с. 15].

Большое внимание и Ч. Ф. Нимс и Г. Кеес уделили тому обстоятельству, что в стк. 15 текста, зафиксированного на стеле, Пианх назван лишь начальником войска. С их точки зрения, это якобы доказывает, что в момент объявления решения Амуна Пианх еще не был верховным фиванским жрецом [335, с. 14; 437, с. 161]. Однако данный аргумент не имеет какой-либо силы, поскольку и во многих письмах, относящихся к тому времени, когда Пианх уже, бесспорно, занимал должность фиванского верховного жреца (в 10-й год эры «Повторения рождений»), он носил только звание начальника войска⁵⁵. Как справедливо писал Я. Черны, критически проанализировавший аргументы Ч. Ф. Нимса и Г. Кееса, «имеется солидное основание для допущения, что Херихор не только умер до Рамсеса XI, но что он никогда не лишал власти этого фараона. Он управлял Верхним Египтом с Фивами в качестве своей резиденции как царь, чьи титулы он присвоил в надписях храма Хонсу, однако постоянно под верховенством Рамсеса XI, который, какими бы слабыми ни могли быть его сила и влияние, не перестал быть фараоном» [168, с. 35]. «Эта модификация прежнего взгляда порождена рельефом и надписью в Карнаке, датированной годом 7-м эры „Повторения рождений“... Пункт, достойный рассмотрения, касается возможности, что изображение Пианха в углу сцены было вторичным и добавленным позднее, когда Пианх также стал верховным жрецом. Не имеется, однако, ничего в стеле или исполнении рельефа для поддержки подобного предположения» [168, с. 36—37].

Не менее убедительно высказался против взглядов Ч. Ф. Нимса и Г. Кееса и их сторонников и Эд. Ф. Венте, одним из первых отметивший, в частности, что наименование Пианха начальником войска в центральной части текста стелы «не имеет большого веса, поскольку в... позднеамессидовских письмах Пайанх (Пианх.— И. С.) часто прозывался просто „генералом“ в то время, когда он определенно был верховным жрецом Амуна» [563, с. 13, примеч. 13]. Касаясь вопроса о ценности еще не изданного остракона Каирского музея № 25745, в котором Пайанху дана длинная серия административных и военных титулов, но не титул „верховного жреца Амуна“, Эд. Ф. Венте замечает: «Если этот текст имеет какое-либо значение, он, возможно, указывает на то, что Херихор в качестве царя не передал первым делом верховное жреческое достоинство своему сыну, но он смог удержать свою жреческую должность, уступив Пайанху другие функции» [563, с. 13, примеч. 13].

Как показывает последнее заключение Эд. Ф. Венте, поскольку, провозгласив себя фараоном, Херихор не уступил свою должность верховного фиванского жреца Пианху, трудно допустить, чтобы на стеле с записью решения оракула Амуна от 7-го года эры «Повторения рождений» Пианх был назван «первым [С. 155] жрецом» Амуна-Ра еще при жизни Херихора, якобы передавшего сыну свою жреческую должность. (Интересно отметить, что, коль скоро в надписи на остраконе № 25745 Пианх назывался визирем, данный остракон, как справедливо указывает Эд. Ф. Венте, мог относиться, во всяком случае, к более

позднему времени, чем 6-й год эры «Повторения рождений», когда визирем был Херихор.) Если на стеле с записью решения оракула Амуна от 7-го года эры «Повторения рождений» Пианх фигурирует в качестве фиванского верховного жреца, то это мы полагаем, свидетельствует только о том, что Херихора в это время уже не было в живых, почему к Пианху и перешла та верховная фиванская жреческая должность, о которой еще ничего не сказано в тексте остракона № 25745. Общий вывод, который делает Эд. Ф. Венте после рассмотрения различных возможных доводов в поддержку взглядов Ч. Ф. Нимса и Г. Кееса, гласит: «Нет более неотразимого аргумента для принятия анахронистической интерпретации текста оракула от 7-го года *Whm mšwt*, чем спорное предположение, что Херихор стал царем после смерти Рамсеса XI» [563, с. 3—4, примеч. 1—3], а следовательно, по мнению Эд. Ф. Венте, лишь привычка к определенной исторической схеме вызывает у исследователей стремление как-то согласовать с этой схемой противоречащие ей новые факты. Интересно в данной связи отметить, что, по словам Эд. Ф. Венте, сам Ч. Ф. Нимс его информировал: «Он, как общепринято, склоняется принять гардинеровскую датировку смерти Херихора» [563, с. 3—4, примеч. 13], т. е. ту датировку, возможность которой он первоначально при комментировании текста оракула не допускал⁵⁶.

Наиболее полный и обстоятельный критический разбор всех доводов противников нового датирования смерти Херихора на основании свидетельства оракула Амуна от 7-го года эры «Повторения рождений» сделан в обобщающей работе К. А. Китчена. Последний суммирует все уже высказанные соображения и приводит ряд дополнительных аргументов, позволяющих, по сути дела, окончательно решить данный вопрос.

По утверждению К. А. Китчена, «нет основания, например, для предположения, что верхний правый угол (имеется в виду угол стелы с изображением Пианха.— *И. С.*) был специально оставлен чистым в 7-м году для удобного заполнения (его) позднее.

Другими словами, или вся запись полностью датируется 7-м годом — простейший и наиболее естественный взгляд, или подобным же образом весь текст был записан по одному поводу некоторое время спустя с передачей даты оракула, но не записей» [347, с. 17—22, § 15—18]. Согласно указанию Г. Кееса, присутствие «второго жреца» Амуна при обращении к суду божественного оракула делает невозможным якобы наличие этот момент у Пианха (в 7-й год эры «Повторения рождений») должности «первого жреца» Амуна. Но, как справедливо на это [С. 156] замечает К. А. Китчен, «второй жрец» Амуна Несиаунра мог быть лишь посредником Пианха, передающим запрос от его имени к богу или утверждающим ответ последнего, поскольку «трудно ожидать, что как проситель в этом деле Пианх (даже в качестве верховного жреца) был бы и сам посредником или ответчиком» [347, с. 19—20]. Ссылаясь на изданный Р. А. Паркером Бруклинский папирус 47218, в котором описывается оракул Амуна в 14-й год правления Псамметика I [444], К. А. Китчен обращает внимание на то, что и в этом случае в момент обращения к божественному суду перед божеством находились «четвертый жрец» Амуна Монтумхет, выполнявший функции жреца-посредника (*hm-ntr-whm*), и «первый жрец» Амуна Хор-хеби, и потому, заключает К. А. Китчен, «вопреки Кеесу... присутствие Пианха в качестве верховного жреца не могло исключить присутствие... второго жреца Несиаунра или, возможно, его деятельность в качестве *hm-ntr-whm*» [347, с. 20 примеч. 88].

Если считать, что Херихор присвоил царский титул лишь после смерти Рамсеса XI, то, согласно указанию К. А. Китчена, неизбежен вывод: поскольку эра «Повторения рождений», по свидетельству некоторых позднеамессидских писем, продолжалась не менее десяти лет [347, с. 20, примеч. 89], а на все работы по оформлению переднего двора храма Хонсу, в котором Херихор фигурирует в качестве фараона, должно было уйти около года, получилась бы абсурдная ситуация: оракул, в котором принимал участие Пианх, должен был бы в этом случае состояться по крайней мере на четыре года позднее того времени, когда он произошел в действительности, т. е. не в 7-й, а скорее, в 11-й год эры «Повторения рождений». «Это,— как пишет К. А. Китчен,— было бы, конечно, произвольным и невероятным заключением» [347, с. 20], свидетельствующим о несостоятельности той

предпосылки, исходя из которой было сделано подобное заключение. Между тем стремление объявить запись стк. 1 и 2 текста оракула Амуна от 7-го года эры «Повторения рождений», в которых Пианх назван «первым жрецом» Амуна, анахроничной, внесенной позднее, обуславливается исключительно приверженностью к старой, традиционной исторической схеме. Сомнение в достоверности данных оракула, показывающих со всей очевидностью, что Херихор умер раньше Рамсеса XI, раньше того времени, когда было совершено обращение к суду Амуна, желание эти данные как-то нейтрализовать — все это следствие предвзятой трактовки событий в конце эпохи Нового царства. Как справедливо утверждает К. А. Китчен, «это сомнение является в основе пережитком конца последнего столетия, когда полагали, что Херихор действительно вытеснил Рамсеса XI в целях обоснования линии „жрецов-царей”, и не уделяли должного внимания фиктивной в основе природе „царства” Херихора. Это „царство” [С. 157] полностью замыкалось в храмовых стенах в пределах Карнака и в заупокойном снаряжении Херихора и его семьи. Это царство полностью игнорировалось во всех повседневных и административных документах любой датировки» [347, примеч. 10]⁵⁷.

«Таким образом,— пишет далее К. А. Китчен, подводя итог своей аргументации,— нет вообще свидетельства ни о том, что „царство” Херихора было когда-либо признано при его жизни за пределами замкнутых дворов Карнака, ни о том даже, что какой-либо преемник ссылался на происхождение от „царя” Херихора. Это особенно контрастирует с полной царской титулатурой Пиноджема I (внука Херихора.— И. С.) (с собственным преноменом), который был признан не только в Фивах, но также в Абидосе, Коптосе и в самом Танисе и долго вспоминался в титулах и генеалогиях своих потомков — Масахарты, Джедхонсефанха и Пиноджема II. Причина присвоения Херихором царских титулов неизвестна. Возможно, это произошло вследствие того, что он был специальным представителем царской власти в Нубии и Верхнем Египте (обширная область), или, может быть, из-за желания обеспечить себе лидерство перед или совместно со Смендесом, когда умрет Рамсес XI. Эта амбиция была затем пресечена его собственной более ранней смертью.

А ргіогі нет веского довода против (вывода), что Херихор пробыл „царем” и умер до Рамсеса XI» [347, с. 21]⁵⁸. Так называемое «царствование» Херихора было не политической реальностью, а лишь фикцией, которой тешил себя честолюбец, достигший, впрочем, вполне царственного могущества в Фивах и во всем Верхнем (и даже Среднем) Египте.

ХЕРИХОР И РЕШЕНИЕ ОРАКУЛА ХОНСУ И АМУНА

Уже давно в истории постепенного возвышения Херихора выделяют событие, зафиксированное на плите-стеле, входящей в состав северной стены переднего двора храма Хонсу в Карнаке и помещенной в нижней части этой стены, к востоку (справа) от прохода в гипостильный зал (о местоположении этой плиты см. [137, т. IV, с. 303; 368, с. 212; 382, т. III, 1900, с. 64]). Мы имеем в виду знаменитую запись решения оракула Хонсу и Амуна, решения, которое, как полагают исследователи, сыграло исключительно большую роль в судьбе как Херихора, так и Египта. Высказанные по поводу этого оракула суждения весьма разнообразны. По мнению представителей старой египтологической школы, например Эд. Мейера, Дж. Брэстеда, Б. А. Тураева, речь в оракуле шла о божественном санкционировании захвата Херихором престола фараонов [25, т. II, с. 203; 83, т. II, с. 20; 116, с. 95; 137, т. IV, с. 303—304]. Согласно выводу Г. Кееса, в решении оракула утверждалась провозглашенная Херихором новая эра «Повторения рождений» и прикрывалось авторитетом божественного согласия фактическое владычество Херихора в Фивах [334, с. 1—20; 335, с. 6, 11, 12]. Как доказывал Ю. фон Бекерат, полемизируя с Г. Кеесом, не [С. 158] Херихор, а Рамсес XI был инициатором введения новой эры, что же касается содержания оракула, то в нем задним числом легализировалось возведение Херихора — военачальника, не связанного со жреческими группировками Фив, человека, лично близкого к последнему Рамессиду,— на престол «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов [116, с. 91—96].

По мнению Г. Фехта, главной целью обращения к суду Хонсу и Амуна было освящение божественным авторитетом захвата Херихором должности «царского сына Куша» [230, с. 26—28]. По словам Я. Черны, «заманчиво видеть в оракуле Амуна-Ра... настоящее торжественное начало господства Херихора над Верхним Египтом и введение эры „Повторения рождений“» [168, с. 38]. С точки зрения В. Хелка, в оракуле Хонсу и Амуна провозглашалось возобновление господства жрецов в Фивах после неудачной попытки Рамсеса XI восстановить здесь господствующее положение царской власти [306, с. 217].

Как мы видим, существующие оценки оракула Хонсу и Амуна действительно весьма разнообразны, хотя и сходятся в большинстве случаев в одном — в привязке (в той или иной форме) этого оракула к введенной в 19-й год правления Рамсеса XI новой эре «Повторения рождений».

Обратимся, однако, к самому оракулу и посмотрим, о чем в нем идет речь.

Как это ни печально, приходится констатировать, что зафиксированный на новоегипетском языке (в отличие от других надписей храма Хонсу) текст оракула Хонсу и Амуна находится в настоящее время в исключительно плохом состоянии. Ч. Ф. Нимс писал: «Надпись столь фрагментарна и поверхность (стелы.— *И. С.*) находится в столь скверном состоянии, что спорно, будет ли извлечен из нее какой-либо поддающийся оценке смысл» [437, с. 162, примеч. 16].

Между тем о самом оракуле Хонсу и Амуна известно уже давно, и воспроизведения его текста появились с самого начала эпиграфического обследования Египта. Так, текст оракула был помещен, к сожалению в трудно читаемой форме, еще в изданиях Ж. Ф. Шампольона [158, т. II, с. 231—232] и Р. Лепсиуса [381, ч. III, с. 248, b; 382, т. III, 1900, с. 64]. Воспроизводился текст оракула и в изданиях Г. Бругша [142, табл. XXI] и Г. Масперо [396, с. 653, 671, 672], а его перевод (с издания Г. Бругша) был осуществлен в самом начале XX в. Дж. Брэстедом [137, т. IV, с. 303—304, § 615—618].

Трудность изучения текста оракула Хонсу и Амуна объясняется объективным, неустранимым фактором: от всех 28 горизонтальных (идуших справа налево) иероглифических строк, фиксирующих на новоегипетском языке сам ход и результат обращения Херихора к Хонсу и Амуну, остались в основном лишь сравнительно небольшие концовки, в ряде случаев не дающие бесспорной смысловой ясности. И все же понять основное содержание текста оракула, как и установить его целевую [С. 159] направленность, возможно. Именно это мы и попытаемся теперь сделать, дав свой, новый перевод надписи с ее воспроизведения в издании Г. Бругша [142, табл. XXI].

Текст оракула Хонсу и Амуна, зафиксированный на плите-стеле, входящей в состав северной стены переднего двора храма Хонсу и помещенной в нижней части этой стены, к востоку (справа) от прохода в гипостильный зал. (Копия, перенесенная с записи на папирусе, выполненной на разговорном новоегипетском языке.)

- «[(1) ...] Амун Сетепенра¹, любимый Амун-Ра, царем богов, которому дана жизнь вечная.
- [(2) ...] „первый жрец“ Амуна-Ра², царя богов, царский сын Куша, начальник двойной житницы.
- [(3) ...] Тогда повторил ему³ „первый жрец“ Амуна-Ра, царя богов:
- [(4) „... (В)...] — твоим городе⁴?“ Тогда этот бог двинулся назад⁵.
- [(5) ... „... (В) ре]зиденции⁶ — твоим городе?“ Тогда этот бог двинулся...⁷.
- [(6) ...⁸]
- [(7)]
- [(8) ... „(?)...] достоинство для меня, жизнь, благополучие, здравие, добро многочисленное в резиденции — твоим городе?
- [(9) ...⁹] Дашь ли ты год, когда будешь ты давать их мне¹⁰?“ Тогда этот...
- [(10) ... „...] Что касается года великого¹¹ — этого промежутка времени¹², который [ты] дал мне¹³...¹⁴ (?) в резиден-

- [(11) ции], что касается года, который ты дал мне¹⁵, повелел ли ты¹⁶ дать их (?)¹⁷ мне¹⁸ в дополнение вновь?”
- [(12) ... Хери]хор правогласный. Вышел город в качестве посланца к нему, чтобы пересказать эту речь¹⁹ Хон[су]
- [(13) Амуну-Ра], царю богов, когда обратил он лицо свое на север, к Карнаку²⁰. И вот приблизился он к...
- [(14) ...] Амун-Ра, царь богов, этот отец, дважды энергично
- [(15) ...] [...] И он сказал: „Да достигнешь [ты] двадцатилетия²¹, как [того, что дает] тебе²² Амун-Ра, царь богов,
- [(16) (за благодеяния) (?)], которые сделал ты²³ для Мут (и) Хонсу — их²⁴ правогласного ребенка прежде”.
- [(17) ...] И повторил ему „первый жрец” Амуна-Ра, царя богов, Херихор правогласный, сказав: „Мой прекрасный господин!
- [(18) ...] чудеса на камень?” Этот бог дважды энергично наклонил голову²⁵. И повторил ему
- [(19) ... (Херихор, сказав:) ...Хонсу] Неферхотеп твое заявление: „да вырежут они²⁶ стелу”.
- [(20) ... „...” Хонсу в Фивах, Неферхотеп, которое сделал [С. 160] он “?”²⁷ Этот бог дважды энергично наклонил голову²⁵.
- [(21) ...] И сказал Амун-Ра, царь богов: [„...” придет к тебе вечность, будут миллионы (лет) здесь в качестве [...]
- [(22) ...] придут юноши ради рассказа об этих чудесах,
- [(23) (придут к)] тебе юноши и дети, после того как сделают [они]²⁸.
- [(24) ... (до) конца”²⁹. „Будет речь относительно [...] прихода?”
- [(25) ...³⁰ ...] „сказал [ли] ты³¹ мне, что дал ты мне³² (промежуток времени)³³ в двадцать лет?”
- [(26) ...] [Амун-Ра, царь богов, дважды] энергично (наклонил голову]
- [(27) ...(Тогда)] повелел Херихор [...]
- [(28) ...] копия [...]]».

КОММЕНТАРИЙ

¹ Рамсес XI.

² Херихор.

³ *wḥm(n).f*. Имеется в виду Хонсу.

⁴ *pꜣj.k dmj*.

⁵ *nꜣj.n ḥꜣ.f* (Wb. II, 206; III, 8—9). Дж. Брэстед ошибочно понимал это выражение как эквивалент положительной, одобряющей реакции и потому перевел данное словосочетание как “nodded with his head” [137, т. IV, с. 303, § 615, стк. 4]. Однако мы полагаем, что здесь имеется в виду отрицательный ответ божества, передаваемый движением назад статуи божества или носилок, на которых она находилась [43, с. 82; 169, с. 44—45].

⁶ В начале стк. 5 виден знак *m* и детерминатив города. По аналогии со стк. 8 здесь, бесспорно, восстановление (*m ḥnw*) «в резиденции» (т. е. в Фивах) (см. Wb. III, 369, b; *ḥnw* = einer Stadt).

⁷ Лакуна не позволяет определить характер ответа божества со всей определенностью, но, вероятно, здесь также имеется в виду отрицательный ответ божества, передаваемый движением назад статуи божества или носилок, на которых она находилась.

⁸ Здесь прослеживаются лишь несколько знаков.

⁹ Здесь прослеживаются лишь несколько знаков.

¹⁰ *idi.k rnpt iw.k (r) di.w n.i*. Сложноподчиненное обстоятельственное предложение, в котором второе придаточное предложение [*iw.k (r) di.w n.i*] выраженное грамматической формой Futurum III, относится к числу так называемых псевдорелятивных конструкций (см. [351, с. 363—364, § 407]). В первом, главном предложении (*idi.k rnpt*) при образовании сказуемого использована форма эмфатического *isdm.f*, и потому, здесь передается вопросительный оттенок мысли, обращенной к будущему времени (см. [351, с. 278, § 315, с. 248, § 282]. Дж. Брэстед переводил данную строку как “which thou givest and then shalt give them to me” [137, т. IV, с. 303, § 615], понимая первое предложение как релятивное. Однако такое толкование вряд ли возможно, коль скоро в этом предложении виден прямой объект — *rnpt (idi.k rnpt)*.

¹¹ *n.rnpt ꜣ*.

¹² *pꜣ ꜥḥꜥ*.

¹³ *idi.[k]n.i*. Придаточное предложение в релятивной форме *isd̄m*, выражающей мысль, обращенную к прошлому (см. [351, с. 289, § 321]).

¹⁴ Испорченное место.

¹⁵ *idi(?)k n.i*. Придаточное предложение в релятивной форме *isd̄m*.

¹⁶ *wḏ ir.k*. (ср. с *wḏ ir.t* Wb I, 394, “zu tun befehlen”).

¹⁷ *w*.(sic!). [С. 161]

¹⁸ В предложении *wḏ ir.k di.w n.i*, по-видимому, используется форма эмфатического *sd̄m.f*, в которой стоит словосочетание *wḏ ir.k*. В этом словосочетании значение основного, смыслового глагола *wḏ* воспринимается слитно со значением вспомогательного глагола *ir*, последний же может быть сокращенным вариантом эмфатической формы *iir* (см. [351, с. 274, § 310]), потерявшей первичное протетическое *i*, вследствие чего выражение *wḏ ir.k* допустимо воспринимать как соответствие эмфатической конструкции [*i*]*ir.k wḏ*. Коль скоро, однако, в данном случае обнаруживается эмфатическая форма, предложение *wḏ ir.k di.w n.i* (или [*i*]*ir.k wḏ di.w n.i*) можно трактовать как вопросительное (см. [351, с. 278, § 315]). (Если предположить, что слово *wḏ* появилось в иероглифическом оригинале по ошибке резчика вместо протетического *i*, то тогда предложение *iir.k di.w n.i* следовало бы переводить как «дал ли ты их мне...?» с аналогичным общим вопросительным значением.) Дж. Брэстед переводил стк. 11 как “within the year which then givest me, which thou spendest to give me besides the...” [137, т. IV, с. 313, § 615), предполагая здесь наличие двух следующих друг за другом релятивных предложений. Для второго из этих предложений — “which thou spendest” (?),— однако, трудно найти соответствие в иероглифическом тексте, в котором по изданию Г. Бругша прослеживается скорее всего все же написание *wḏ ir.k*.

¹⁹ *p3 dd*.

²⁰ *iw.f (hr) dit hr.f m hd [iw.f (hr) dit = Praesens II]*.

²¹ *ispr[.k n] 20 rnpt (ispr.k = эмфатическая форма *isd̄m.f* с оптативным значением)*.

²² *m [di] n.k*.

²³ *iir.k*. Форма релятивного *isd̄m.f*.

²⁴ *n3* (sic!). По-видимому, здесь перед именем Хонсу стоит *n3*; вместо *p3*, так как подразумевается, что Хонсу — ребенок Мут и Амуна-Ра.

²⁵ *hn r wr spj* (Wb. II, 492, 494). Как полагал Я. Черны, данное выражение можно переводить иначе: «Дважды энергично двинулся вперед», поскольку при положительном ответе оракула переносные носилки со статуей божества двигались вперед, а при отрицательном — назад [169, с. 44—45]. Критику точки зрения Я. Черны см. [43, с. 81].

²⁶ *iir šʿj.w*. Форма эмфатического *iir sd̄m.f* с оптативным значением (см. Wb. IV, 415, 417).

²⁷ *ir.f = iir.f*. Форма релятивного *isd̄m.f*.

²⁸ *iw ir [w]*. Форма *iw sd̄m.f*.

²⁹ *r3-ʿ* (см. Wb. II, 294; Ende).

³⁰ Здесь, по-видимому, где-то кончается речь Амуна-Ра и начинается речь Херихора.

³¹ [*i*]*dd.k* Форма эмфатического *isd̄m.f*.

³² [*i*]*di.k n.i*. Форма релятивного *isd̄m.f*.

³³ Здесь виден только детерминатив слова ʿ*h*ʿ.

Нами дан полный перевод текста оракула Хонсу и Амуна в соответствии с его воспроизведением в издании Г. Бругша. К какому же выводу можно прийти при анализе этого документа?

Прежде всего мы видим, что в оракуле ни слова не сказано о божественном санкционировании захвата Херихором престола фараонов. Напротив, уже в стк. 1 текста упоминается Рамсес XI, по времени царствования которого (к сожалению, точное определение года не сохранилось) датировался оракул. Нельзя не отметить, что, коль скоро в самом начале записи оракула царствующим фараоном объявляется Рамсес XI, для [С. 162] Херихора было бы верхом цинизма здесь же хвастаться божественным одобрением его честолюбивых замыслов, направленных против интересов того самого фараона, царствованием которого устанавливалось время обращения к суду Хонсу и Амуна. Естественно, в тексте оракула о легализации «крамольных, замыслов» Херихора абсолютно нигде речь не идет⁵⁹.

Не соответствует действительному содержанию приведенного нами текста оракула и его трактовка Г. Кеесом, который пытался увидеть в оракуле Хонсу и Амуна указание на введение Херихором особой эры «Повторения рождений» и свидетельство об освящении власти Херихора в Фивах. Если второй тезис и можно еще как-то подтвердить теми строками оракула, в которых говорится о власти Херихора «в резиденции», в городе Хонсу и Амуна

(стк. 5, 8, 10, 15), то о введении новой эры в оракуле определенно ничего не сказано. Последнее неудивительно, поскольку эра «Повторения рождений» была провозглашена как бы от имени Рамсеса XI в 19-й год царствования этого фараона, сразу же после изгнания из Фив Панехси и восстановления в древней южной столице законности и порядка⁶⁰. Текст оракула был записан, несомненно, в более позднее время, когда оформление гипостильного зала уже в основном закончилось и на очередь стали работы в переднем дворе храма Хонсу. (Именно поэтому в тексте оракула Херихор наделен званием «царского сына Куша», отсутствующим в надписях гипостилья.) Явно не относясь к 19-му году правления Рамсеса XI, оракул не мог фиксировать и введение новой эры «Повторения рождений».

Невозможно согласиться и с точкой зрения Ю. фон Бекерата, будто бы в оракуле речь идет о легализации задним числом прав Херихора на престол «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов. Ни о каком утверждении Херихора в должности фиванского верховного жреца ни в одной из строк текста оракула нельзя найти даже намек. Напротив, в оракуле Херихор совершенно определенно именуется «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов (стк. 2, 17), причем в таковом качестве он изображается без каких-либо оговорок или условий, которые могли бы позволить предположить наличие у Херихора желания добиться от богов высочайшего санкционирования. В гипостильном зале храма Хонсу Херихор также постоянно фигурирует в качестве фиванского верховного жреца в таком контексте, который не допускает каких-либо сомнений относительно полного и всеобщего признания его прав на подобную должность. Поскольку событие, о котором идет речь в оракуле Хонсу и Амуна, произошло после завершения основных работ по внутреннему оформлению гипостильного зала храма Хонсу (об этом свидетельствуют и включение плиты с текстом оракула в северную стену переднего двора храма Хонсу, и наличие у Херихора в то время, когда изготавливался текст оракула, звания «царского сына Куша», не упоминаемого в надписях гипостильного [С. 163] зала), было бы весьма странным для Херихора стремиться задним числом утвердить божественным авторитетом (а следовательно, в определенной степени и поставить под сомнение) те свои права на верховную жреческую должность, о которой он уже успел громогласно и совершенно недвусмысленно объявить в гипостильном зале храма Хонсу еще до обращения к суду божественного оракула. «Первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, Херихор был и до вынесения Хонсу и Амуном их высочайшего решения, и ровно ничего не подтверждает гипотезу Ю. фон Бекерата, будто бы в тексте оракула Херихор и Рамсес XI (?) пытались придать законную силу подобной фактической ситуации.

Не более оправданна и точка зрения Г. Фехта, что обращение к оракулу Хонсу и Амуна было якобы обусловлено желанием Херихора оправдать свой захват должности наместника Нубии (должности «царского сына Куша»). Как и для вышерассмотренных толкований основного смысла оракула, для мнения Г. Фехта нельзя найти в анализируемом памятнике текстуального подтверждения. Почему в качестве «царского сына Куша» Херихор не фигурирует в гипостильном зале храма Хонсу (т.е. по времени вскоре после изгнания Панехси из Фив и введения эры «Повторения рождений» в 19-й год царствования Рамсеса XI), сказать со всей определенностью, конечно, невозможно, но, во всяком случае, путь к должности наместника, Нубии был открыт перед Херихором уже тогда, когда он, вытеснив из Фив Панехси, оказался в положении его наследника. Переход к Херихору функций и званий Панехси был, в сущности, процессом естественным и неизбежным. Для этого не требовалось какого-то особого божественного санкционирования и потому, конечно, не случайно, что в тексте оракула Хонсу и Амуна ни о чем подобном речь не идет.

Не представляется возможным и согласиться с предположениями Я. Черны, будто бы в оракуле Хонсу и Амуна было зафиксировано «торжественное начало господина над Верхним Египтом и введение эры „Повторения рождений“, а также отражен захват Херихором административных должностей начальника города (Фив) и верхнеегипетского визира» [168, с. 34]. Ни о том, ни о другом, ни о третьем в сохранившемся тексте оракула не сказано ни слова, и делать на этот счет какие-либо определенные заявления нам кажется все же рискованным, несмотря даже на то что в ряде строк оракула (стк. 6, 8, 10) Херихор

действительно что-то просит и на что-то получает божественное одобрение применительно к городу Фивы («резиденции», «твоему городу»).

Трудно признать справедливым и мнение В. Хелка, что в оракуле Хонсу и Амуна провозглашалось восстановление в Фивах господства жрецов после провала попытки Рамсеса XI вернуть себе в древней столице Египта господствующее положение. Подобная гипотеза не подтверждается ни одной строкой текста [С. 164] оракула, и потому она выглядит скорее навеянной общей концепцией ее автора (в значительной мере априорного характера), чем опирающейся на конкретные данные рассматриваемого документа.

Что же, однако, в действительности имелось в виду, когда в какой-то год царствования Рамсеса XI (уже после завершения основных работ по внутреннему оформлению гипостильного зала храма Хонсу) Херихор обратился с вполне конкретной просьбой к Хонсу и Амуну, просьбой, получившей полное божественное одобрение и утверждение? Как нам представляется, несмотря на исключительную фрагментарность текста оракула, он дает на поставленный вопрос совершенно недвусмысленный ответ: Херихор просил Хонсу и Амуна прежде всего гарантировать ему определенное время жизни. [Как мы помним, если Хонсу обещал Херихору в ответ на его просьбу даровать ему один «год великий» (nprt^c), то Амун щедро увеличил этот небольшой жизненный срок до 20 лет.]

Предоставление Амуну Херихору в тексте оракула дополнительного двадцатилетнего периода жизни может свидетельствовать только о том, что к моменту изречения божественной воли Херихору уже было 90 лет и потому до достижения идеального (с точки зрения древних египтян) возраста в 110 лет ему не хватало 20 лет⁶¹.

Сложнее понять смысл просьбы Херихора даровать ему один год жизни, аттестуемый как «год великий» (стк. 10, 11). Вряд ли следует допускать, что этот год требовался Херихору для совершения государственного переворота — захвата царского престола. (Предположение, соблазнительное для сторонников старой трактовки событий, завершивших эпоху Нового царства.) Если бы Херихор действительно собирался в течение одного года стать фараоном, то, конечно, не для того, чтобы удовлетворить лишь свою давнюю мечту и после этого со спокойной совестью умереть. Как бы ни был слаб Херихор, девяностолетний старец, уж коль скоро он был достаточно честолюбив, чтобы пожелать возложить на свою голову царскую корону, вряд ли он оказался бы к тому же и столь скромным, чтобы не вымолить у Хонсу (для которого как бога все возможно) и какого-то приличного срока для своего царствования. Не больше смысла было бы для Херихора просить у Хонсу всего лишь год (даже «год великий») и для самоутверждения в должностях верховного жреца, «царского сына Куша» или верхнеегипетского визиря. Для подобных целей «сверхскромность» Херихора не мотивировалась бы даже в том случае, если бы он уже лежал на смертной одре. Именно потому, по нашему мнению, в обращенной к Хонсу просьбе Херихора предоставить ему один дополнительный год достоинства, жизни, благополучия, здоровья, добра многочисленного в Фивах («в резиденции — твоём городе») (стк. 8, 11) мог заключаться совершенно иной смысл: Херихор просил один год (по-видимому, находясь в весьма болезненном [С. 165] и даже угрожающем для жизни состоянии) для свершения того, что могло бы пережить его и оставить память о нем и после его смерти.

Полагаем, что в данном случае Херихор имел в виду окончание строительства храма Хонсу, и прежде всего его переднего двора, к сооружению (или внутренней отделке) которого как раз и собирался приступить верховный фиванский жрец, закончив работы в гипостильном зале. В пользу нашей трактовки основного смысла оракула Хонсу и, Амуна свидетельствует, как нам кажется, не только содержание текста оракула, но и следующее соображение; по-видимому, не случайно каменная плита с текстом оракула оказалась помещенной в нижней части северной стены переднего двора храма Хонсу, в том месте, где эта стена вплотную примыкает с востока (справа) к проходу в гипостильный зал (в данном случае речь шла не только о постановке плиты-стелы с текстом оракула на достаточно хорошо просматриваемом участке переднего двора храма Хонсу, но и о помещении ее в таком пункте переднего двора, с которого, возможно, начиналось его сооружение или

внутреннее оформление после окончания отделочных работ в гипостильном зале). Сделанный нами сейчас вывод тем более естествен, что просьба Херихора о предоставлении ему дополнительного одного года жизни удивительным образом получает осмысление в расчетах современных исследователей, определяющих время, которое требовалось для завершения работ в переднем дворе храма Хонсу. Ссылаясь на мнение Ч. Ф. Нимса, одного из членов научной экспедиции Восточного института в Чикаго, ряд лет обследовавшей храм Хонсу, Эд. Ф. Венте полагает, что на внутреннюю декорацию переднего двора этого храма мог быть затрачен один год [563, с. 4, примеч. 13], а это, как мы видим, полностью совпадает с просьбой Херихора дать ему один «год великий» дополнительной жизни⁶². С такой довольно скромной просьбой Херихор обратился к Хонсу, конечно, не случайно. Подобная просьба была, естественно, наиболее близка и понятна именно Хонсу, поскольку этот бог, младший член фиванской божественной триады, был наиболее заинтересован в завершении строительства собственного храма.

Задумаемся теперь над тем, как определить, когда было осуществлено обращение Херихора к Хонсу и Амуну. К сожалению, как мы видим, не сохранилась та часть стк. 1 текста оракула, в которой фиксировалась датировка по годам царствования Рамсеса XI. Установить по этой причине, когда Хонсу и Амун обещали Херихору «год великий» и даже еще целое двадцатилетие, весьма затруднительно. Формальные данные, содержащиеся в тексте оракула, позволяют соотносить его со временем и более ранним, чем 2-й год эры «Повторения рождений», и со временем или предшествующим, или совпадающим с 6-м годом новой эры. [В тексте оракула Херихор не назван визирем, хотя занятие им подобной должности не исключается [С. 166] здесь полностью, коль скоро он аттестуется в качестве начальника города (Фив).] Известно, однако, что во 2-й год эры «Повторения рождений» должность верхнеегипетского визиря занимал еще Небмаатранахт [116, с. 90; 168, с. 34], тогда как в 6-й год верхнеегипетским визирем уже, бесспорно, был Херихор.

Для датировки оракула Хонсу и Амуна решающее значение может иметь сопоставление его с историко-литературным текстом, содержащим изложение «Путешествия Ун-Амуна в Библ» [40]. В самом тексте «Путешествия» Херихор характеризуется в общих чертах: для Ун-Амуна он «мой владыка» [40, стк. 1, 15; 2, 26, с. 27, 30, 120, 127] и «первый жрец Амуна» [40, стк. 1, 52; 2, 61, с. 28, 32, 124, 131]. Казалось бы, то обстоятельство, что Ун-Амун не называет Херихора фараоном, заставляет относить начало его трудного пути к берегам Финикии, во всяком случае, ко времени более раннему, чем период строительства и оформления переднего двора храма Хонсу, в надписях которого Херихор наделен полной царской титулатурой. Но ведь текст «Путешествия Ун-Амуна в Библ» — это только копия, переписанная с официального отчета и подвергшаяся литературной обработке, почему от этого текста нельзя требовать абсолютной точности в использовании должностных наименований [40, с. 16—17]. Напомним к тому же, что «царствование» Херихора было лишь фикцией, тешившей самолюбие фактического властелина Фив. О таком «царствовании» Ун-Амун не мог и не должен был упоминать в своем отчете. С формальной стороны текст «Путешествия Ун-Амуна в Библ» не создает, таким образом, каких-либо препятствий для соотнесения его с любым этапом строительства любой части храма Хонсу. Естественно, его невозможно непосредственно связывать, опираясь лишь на должностные характеристики Херихора, и с тем временем, когда на плите, помещенной в переднем дворе храма Хонсу, был записан ответ оракула. И все же именно текст «Путешествия Ун-Амуна в Библ» является тем документом, который может быть использован для более или менее точной датировки оракула Хонсу и Амуна.

Дело в том, что в тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ» содержатся точные хронологические показатели. Так, в стк. 1,1 говорится о том, что Ун-Амун отправился из Фив в «год 5-й, месяц 4-й лета (период шему.— *И. С.*), день 16-й» [40, с. 26, 119], а согласно стк. 1, 8, Ун-Амун отплыл в великое море Сирии в том же 5-м году, в «месяц 1-й лета (период шему.— *И. С.*), день 1-й», пробыв в Танисе до «месяца 4-го лета» [40, с. 26, 119]. Безусловно, в отношении месяцев и дней имеющиеся в тексте «Путешествия» указания

противоречат друг другу. (Попытку их согласования предпринял Г. Лефевр [40, с. 36—38; 370, с. 207; 371, с. 97—99].) Однако в отношении точности записи года начала опасных странствований Ун-Амуна («год 5-й») никаких сомнений нет, необходимо лишь установить, к какой [С. 167] системе датировки этот год следует относить. Между тем именно в данном вопросе между исследователями возникли существенные разногласия.

По мнению Дж. Брэстеда и А. Эрмана, 5-й год, упомянутый в тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ»,— это 5-й год царствования последнего фараона Рамессидов [137, т. IV, § 557], а согласно точке зрения Эд. Мейера, 5-й год — это год правления Несубанебджеда (Смендеса) [407, с. 497]. Как впоследствии убедительно показал Г. Кеес, под 5-м годом в тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ» подразумевается 5-й год эры «Повторения рождений» и, следовательно, 23-й год царствования Рамсеса XI [334, с. 3—4]. Немного позднее предложенная Г. Кеесом интерпретация 5-го года из текста «Путешествия» подвергалась критическому разбору в специальном исследовании Ю. фон Бекерата [116, с. 99—100]. Последний, обратив внимание на факт явно неуважительного отношения Ун-Амуна к Рамсесу XI, не упоминаемому в датировке, а также на то обстоятельство, что в тексте «Путешествия» Рамсес XI [или Рамсес IX (?)] пренебрежительно прозывается просто Хаемуасом (без использования картуша) и к тому же человеком (стк. 2, 51—2, 53), а в качестве резиденции фараона указывается не Пер-Рамсес, а Танис, пришел к выводу, согласно которому под 5-м годом текста «Путешествия» нельзя понимать ни 5-й год царствования Рамсеса XI, ни 5-й год эры «Повторения рождений» (23-й год царствования Рамсеса XI), но нужно вслед за Эд. Мейером видеть в этой дате 5-й год правления Несубанебджеда (Смендеса). Тот факт, что в тексте «Путешествия» Несубанебджед не назван фараоном, а его имя не включено в картуш, Ю. фон Бекерат объяснил фиванским происхождением этого текста, отразившего в себе фиванскую концепцию, согласно которой (на это указывал и Г. Кеес) единственным истинным фараоном мог считаться только Амун [116, с. 99—100].

Критические высказывания Ю. фон Бекерата, направленные против вывода Г. Кееса, нельзя, однако, считать обоснованными. Сам Ю. фон Бекерат, солидаризируясь в этом отношении с Г. Кеесом, признал, что текст «Путешествия Ун-Амуна в Библ» пронизан идеями фиванской концепции, объявлявшей создателем, и владыкой всего сущего великого бога Амуна-Ра, царя богов (концепция амунократии) [40, с. 34—35, 54; 116, с. 99—100; 334, с. 14]⁶³. Но если, по мнению Ю. фон Бекерата, эта концепция определила отказ Ун-Амуна называть Несубанебджеда фараоном (с включением его имени в текст «Путешествия» в картуш), то на таком же основании она могла обусловить и неуважительное отношение Ун-Амуна к Рамсесу XI, которого он пренебрежительно именовал Хаемуасом (без картуша при его имени в тексте «Путешествия»)⁶⁴ и человеком. Утверждая, что в тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ» город Пер-Рамсес якобы переименован в Танис в связи с окончанием династии Рамессидов и воцарением Несубанебджеда, [С. 168] Ю. фон Бекерат допустил простительную ошибку, повторив вывод А. Гардинера и П. Монтэ, согласно которому Пер-Рамсес и Танис — это два обозначения одного и того же города [254, с. 122—128; 413, с. 59]. Между тем, как мы уже отмечали, в настоящее время установлено, что Пер-Рамсес (древний Аварис) и Танис были совершенно различными и обособленными друг от друга городскими центрами [546, с. 127—151], почему фиксирование в тексте «Путешествия» Таниса (но не Пер-Рамсеса) отнюдь не свидетельствует об окончании правления (ко времени составления этого текста) династии Рамессидов и воцарении Несубанебджеда. Таким образом, заключение Г. Кееса, что упоминаемый в тексте «Путешествия» 5-й год — это 5-й год эры «Повторения рождений» и, следовательно, 23-й год царствования Рамсеса XI, остается непоколебленным⁶⁵.

Итак, позволительно утверждать, что Ун-Амун, «старейшина врат», отправился в Библ за строительным лесом для священной барки Амуна в 5-й год эры «Повторения рождений» (в 23-й год царствования Рамсеса XI). Эта дата в настоящее время прочно

установлена, и потому, ориентируясь на нее, можно попытаться определить и дату оракула Хонсу и Амуна.

Как уже отмечалось, на западной (левой) и северной стенах переднего двора храма Хонсу сохранилось изображение процессии членов семьи Херихора (его жены и детей), а также жрецов, принимавших участие в празднестве «опет». Здесь же показаны переносимые жрецами ритуальные священные барки богов фиванской триады, и в том числе та самая барка Амуна, на сооружение которой Ун-Амун должен был привезти древесину из Библа. (Согласно указанию Эд. Ф. Венте, ссылающегося на Ч. Ф. Нимса, в одной из сопроводительных надписей прямо говорится, что Херихор сделал для Амуна новую священную барку к празднику «опет» [563, с. 4, примеч. 13].) Поскольку, по мнению Ч. Ф. Нимса, на внутреннее оформление переднего двора храма Хонсу мог потребоваться один год (или, как считает К. А. Китчен, два года [347, с. 252, примеч. 45]), согласно же расчетам Г. Лефевра, путешествие, которое совершил Ун-Амун в Библ, должно было продлиться, во всяком случае, больше одного года [40, с. 38, 59; 370, с. 219; 371, с. 97—99], весьма реальна перспектива сопоставления друг с другом трех событий: 1) начала путешествия Ун-Амуна в 5-й год эры «Повторения рождений»; 2) завершения строительства переднего двора храма Хонсу (на что потребовались один или два года) и 3) окончания сооружения священной барки Амуна из древесины, доставленной благополучно вернувшимся в Египет Ун-Амуном.

Как нам представляется, все эти события с самого начала были взаимосвязаны и взаимообусловлены, поскольку в их основе лежала одна общая побудительная причина: к какому-то конкретному сроку, возможно к празднику «опет», намеченному на определенный год, завершить и внутреннее оформление [С. 169] переднего двора храма Хонсу, и создание новой ритуальной барки Амуна, на которой культовая статуя последнего могла бы находиться во время торжественного праздничного выхода, приуроченного к окончанию работ в переднем дворе. Есть основания считать, что Херихору удалось осуществить свой замысел и передний двор храма Хонсу, и новая барка Амуна были сооружены примерно к одному и тому же времени. Но если это так, то тогда и оракул Хонсу и Амуна, основным назначением которого, как мы уже указывали, было гарантировать Херихору время жизни, достаточное для завершения его строительных планов в храме Хонсу, должен был быть намечен и осуществлен где-то в близком временном соседстве с началом работ в переднем дворе храма Хонсу и отправлением Ун-Амуна в Библ за древесиной в 5-й год эры «Повторения рождений» (в 23-й год царствования Рамсеса XI). Учитывая все сложные перипетии путешествия Ун-Амуна, продолжавшегося явно больше одного года [а скорее около двух лет, коль скоро нам неизвестно, сколько месяцев он провел в Алашии (на Кипре), куда забросил его ветер, после того как он покинул финикийский берег], можно думать, что Ун-Амун был отправлен Херихором за древесиной в Библ заблаговременно, по-видимому, еще до начала работ в переднем дворе храма Хонсу, и потому запрос к оракулу Хонсу и Амуна в целях божественного гарантирования благополучного завершения этих работ мог быть сделан, вероятнее всего, где-то вскоре после отплытия Ун-Амуна, в период между 5-м и 6-м годами эры «Повторения рождений» (т. е. между 23-м и 24-м годами царствования Рамсеса XI).

ДОКТРИНА АМУНОКРАТИИ И ХЕРИХОР

Как известно, ярко выраженная «проамуновская» тенденциозность характерна для «Путешествия Ун-Амуна в Библ» — историко-литературного произведения, в котором нашла свое отражение фиванская жреческая религиозно-политическая доктрина, объявлявшая Амуна верховным творцом всего сущего (как в Египте, так и за его пределами) и единственным подлинным владыкой страны (доктрина амунократии). В тексте «Путешествия» доктрина амунократии обнаруживается во многих строках, которые мы сейчас для наглядности приведем: «(1, 3)... В день моего прибытия в Танис, в (1, 4)

[местопребывание Несубанеб]деда и Тент-Амун, я дал им указы Амона-Рэ, царя богов, и они (1, 5) приказали, чтобы они были оглашены перед ними. Они сказали: „Сделаю, сделаю, как сказал Амон-Рэ, царь богов, наш владыка”... (1, 14)... (Воистину, что касается этого серебра, оно принадлежит Амону-Рэ, (1, 15) царю богов, владыке обеих земель ...”(2, 19) „Вот гремит Амун в небе, после того как он предоставил Сутеху его время. Ведь Амун (2, 20) создал страны все, он создал их [С. 170] после того, как он создал страну Египет, откуда ты пришел, раньше всего ...”(2, 23)... нет никакого судна на реке, которое (2, 24) не принадлежало бы Амуну. Ему принадлежит море, ему принадлежит Ливан, о котором ты говоришь: „Мой он”. (Ведь) он служит (2, 25) (лишь) берегом для (ладьи) Усер-Хат-Амун, владычицы [всякого] судна. [Вои]стину так сказал он, именно Амон-Рэ, царь богов, говоря Хери(2, 26)хору, владыке моему: „Пошли меня”. Он приказал, чтобы я отправился с этим великим богом. Ведь смотри (2, 27) ты заставил этого великого бога провести эти 29 дней на причале в твоей гавани — ты не знал, что он здесь? Разве не (тот) он, которым (2, 28) был (раньше)? (А) ты стоишь (здесь), чтобы торговать[ся] из-за Ливана с Амуну, его владыкой!...” (2, 30)... ведь Амон-Рэ, царь богов, (именно) он (2, 31) владыка жизни-здравия; ведь он (также) владыка твоих отцов: они провели время своей жизни, принося жертвы (2, 32) Амуну, ты также раб Амуна. Если ты скажешь Амуну: „Сделаю, сделаю” — и выполнишь его (2, 33) поручение, ты будешь жить, ты будешь невредим, ты будешь здоров и ты будешь хорош для всей твоей страны и (для) твоих людей. Не пожелай себе (2, 34) чего-либо, принадлежащее Амону-Рэ, (царю) богов: воистину лев любит свое достояние. Пусть доставят мне писца, чтобы пос(2, 35)лал я его к Несубанебдеду и Тент-Амун, повелителям (?), которых дал Амун северу своей страны (2, 36), и они прикажут доставить все...” [40, с. 26, 27, 29, 30, 54, 55].

Совершенно очевидно, что в концепции амунократии, явственно ощущаемой в вышеприведенных строках, четко прослеживаются монотеистические, универалистские, космополитические идеи, издавна присущие фиванскому богословию, воспринявшему тенденции гелиопольского, солнечного монотеизма [85, I, с. 5, 12—13, 28—47, II, с. 44, 62] и превратившему Амуна-Ра, царя богов, «отца» и покровителя воинственных фараонов эпохи Нового царства, истинного вдохновителя их побед за рубежами Египта, в грозного владыку вселенной [85, I, с. 4—5, 15—18, 48—71, II, с. 3—4, 10, 22].

Во множестве религиозных текстов воспеваются всемогущество, универализм, вездесущность, первичность, исключительность и непостижимость Амуна [85, I, с. 33—39, 52—54, 57—58, 59—60 и др.; II, с. 14—17, 19, 30—32, 35—36 и др.], и, пожалуй, в особенности эти его свойства и качества ярко живописуются в восходящем в своей основе ко времени XVIII династии знаменитом гимне Амуну, записанном при Рамсесе II на папирусе, ныне известном как Лейденский папирус I, 350 [245]. Синкретические, универалистские, монотеистические характеристики Амуну, типичные для фиванских богословских построений эпохи Нового царства прослеживаются здесь очень четко.

Так, в гл. 6 гимна Амун изображается божеством, чья мощь, распространяется на все страны, дары которому поступают со всех концов земли. [С. 171]

В гл. 80 подчеркиваются исключительность, непостижимость, единичность и сокровенность Амуна-творца; появившегося ранее всех других богов.

В гл. 90 говорится о царствовании Амуна над миром, который он создал.

В гл. 100 Амун преподносится как бог изначальный и первичный, сотворивший сам себя еще до появления других богов.

В гл. 200 Амун объявляется тождественным Ра творцом всех богов, в том числе и самого Ра.

В гл. 300 дается очень интересная характеристика своеобразной божественной триады, возникшей из слияния образов трех наиболее авторитетных богов Египта — Амуна, Ра, Птаха, триады, основным членом которой провозглашается все же только Амун.

В гл. 400 подробно и реалистично описывается оплодотворяющая способность Амуна. Те же качества Амуна изображаются и в гл. 600.

Формулировки, содержащиеся в Лейденском гимне, как и в других гимнах Амуноу, были плодом определенной богословской, жреческой политики, направленной на возвеличивание и прославление «своего» центрального фиванского божества, занявшего первенствующее положение в эпоху Нового царства. Чем-либо уникальным подобная политика не отличалась. Она была выдержана в русле монотеистической тенденции, к которой давно прибегало жречество, пожалуй, всех более или менее заметных культов древнего Египта при обработке своих религиозных доктрин в целях обоснования претензий на первенствующую позицию «своего» бога. К подлинному монотеизму это не приводило: множество богов наделялось качествами изначальности, преимущественного всемогущества и универсализма. Фиванский Амуно-Ра в принципе в этом смысле был сходен с другими божествами. Нам важно сейчас подчеркнуть следующее: если все религиозные доктрины, подобные, в частности, и той, которая отразилась в Лейденском гимне Амуноу, укрепляли в конце концов престиж фараона, «сына» соответствующего бога (или богини), то специфическая форма фиванской доктрины амунократии, в которую последняя откристаллизовалась на заключительном этапе эпохи Нового царства, при Рамсесе XI; в политических целях явно была приспособлена для прямо противоположной задачи — для максимального умаления авторитета земного владыки Египта.

«Материал» для подобного умаления значимости царской власти и весомости божественных качеств ее носителя содержался в фиванской богословской концепции, и сущности, изначальности, коль скоро фараон, как «сын» Амуно-Ра, естественно, был подчинен своему «отцу». Во множестве гимнов и славословий Амуноу издавна подчеркивалось, что лишь он один возводил своего «сына», фараона, на царский престол и лишь он один определял его победы над всеми супостатами. В жреческих [С. 172] фиванских построениях фараон довольно часто изображался исполнителем воли своего «отца» Амуноу, что «сыном» последнего воспринималось как должное. (Умаление «божественности» земного владыки Египта началось еще в эпоху Древнего царства в связи с низведением фараона до положения «сына» гелиопольского бога Ра.) Но как бы ни превозносились преимущества Амуно-Ра по сравнению с его «сыном», фараоном, это в принципе не означало, что авторитет власти и божественности последнего отвергались или ставились под сомнение. Фараон в качестве «сына» Амуноу (и других богов и богинь Египта) признавался божеством несколько более низкого (подчиненного) ранга⁶⁶, но все-таки божеством, самым близким к божественной природе своих «родителей», покровительством, помощью и дружеской поддержкой которых он постоянно пользовался. Фараон, хотя и жил жизнью человека, считался частицей божественного мира, к которому он принадлежал «по плоти» своей, его представителем в обществе людей, над которыми он стоял на недостижимой высоте как «бог» и посредник между своими божественными «родителями» и смертными обитателями земли. «Фиванская религия, отстаивая догмат о божественном происхождении фараона, придавала ему несколько иное, чем прежде, значение. Представляя собой переходную ступень от человека к богу, фараон является посредником между народом и Амоном... Амон дарует фараону победу над врагом, но, совершая свои завоевания, фараон, в свою очередь, упрочивает могущество бога. Таким образом, отношение между ними основано на отеческом попечении, с одной стороны, и сыновней признательности — с другой» [85, I, с. 17]. Безусловно, по сравнению с Амуно-Ра, царем богов, «фараон мог в эту эпоху почитаться богом лишь в очень условном смысле» [85, I, с. 16]. Но нужно учитывать, что в этом плане фараон мало чем отличался и от других богов мироздания, коль скоро, согласно фиванской религиозной концепции, «все боги теперь вынуждены были склониться перед величием Амуно-Ра; наравне с людьми они почитают в нем своего творца и промыслителя» [85, I, с. 16].

В эпоху Нового царства в богословских фиванских доктринах отношения между фараоном и Амуноу трактуются в исключительно интимном плане. «Унаследованный от космического культа догмат о богосыновстве фараона получает теперь конкретный смысл постольку, поскольку вся милость и покровительство Амуноу сосредоточены в эту эпоху преимущественно на фараоне, воплощающем в себе судьбу своего народа. В битве Амон

сражался рядом с фараоном, направляя его стрелы и сея ужас среди врагов его, а в мирное время все помыслы фараона поглощены заботой о возвеличении культа Амона» [85, I, с. 63]. Именно эти отношения были отражены в знаменитом призыве Рамсеса II о помощи, обращенном им к своему «отцу» Амуна в критический момент Кадешской битвы, призыве, показывающем, [С. 173] насколько интимной представлялась в это время близость фараона к его могущественному небесному «родителю».

Все отмеченное нами свидетельствует о том, что действительно присущее фиванской религиозной догме стремление максимально возвеличить Амуна-Ра отнюдь не приводило одновременно ни к отрицанию значимости власти фараона, ни к отрицанию божественности его природы. Последний наш тезис, правда, противоречит взглядам Ж. Позенера [465], однако согласиться с аргументацией и выводами французского исследователя мы не можем⁶⁷.

В краткой рецензии на работу Ж. Позенера, опубликованной еще в 1962 г., Г. Кеес высказал критические соображения, совпадающие с нашими суждениями на затронутую тему. Так, по мнению Г. Кееса, Ж. Позенер, базируясь главным образом на своих литературных изысканиях, «в новейшем очерке стремился опровергнуть или по крайней мере умалить утверждаемую египетской догмой божественность фараона как „великого бога”» [336, с. 476]. Между тем, указывает Г. Кеес, французский исследователь отталкивается от абстрактного образа абсолютного, совершенного божества, не свойственного религиозным представлениям древних египтян. Если в сказке о двух братьях, по словам Ж. Позенера, полностью игнорируется «божественность всемогущего фараона», то, подчеркивает Г. Кеес, «то же самое характерно и для царя богов (т. е. Ра.— *И. С.*), поскольку он (бог Ра.— *И. С.*) на практике не выступает без помогающей магической силы (таким образом, соответствуя земной модели): персонифицированное „знание” (*sj3*) стоит в (текстах) пирамид как знаток божественных книг „справа от Ра”, подобно какому-либо земному тайному советнику, (магу) царей; и все создавший Атум признает: „Мое имя было зачаровано” и т. п. Таким образом, никто из обоих не был, согласно определению П[озенера], строго говоря, „совершенным божеством”!» [336, с. 477]. Как отмечает Г. Кеес, «литературная критика П[озенера], которая признает за фараоном лишь косвенную божественную силу („его божественность не является оригинальной”, с. 22), сомнительна. По крайней мере для древнейшего Египта животные были все же оригинальными божествами... когда же земной царь призывает защиту богов (с. 27 и сл.), то это находит полную параллель в истории богов, являясь проявлением магического сознания: Ра и враждебная змея. Гор как нуждающийся в защите ребенок, Осирис и „обильный колдовством” Сетх и т. п. Историк религии вспоминает также о богах греческих земель как о свидетельстве того, что все эти древние религии не признавали последовательное совершенство богов. Для них всех следовало бы, таким образом, применить вывод П[озенера]: „Как далеко от гордого суверена, который обращается к божеству как равный к равному” (с. 32)» [336, с. 474]. Соглашаясь с тем, что «П[озенер] выступает [С. 174] с достаточным основанием против теоретизирования историков религии (Франкфорта, Якобсона и др.), на которых в первую очередь нацелил свое сочинение П[озенер]» [336, с. 474], Г. Кеес справедливо замечает: «Но требования, которые он (Ж. Позенер.— *И. С.*) предъявляет к настоящему богу как к „божеству всеобъемлющему” (с. 37 и сл.), не соответствуют реальному представлению египтян, которые определенной незавершенности как существующему (факту) подчинили мир, включая своих богов и своего царя» [336, с. 474]. Приговор Ж. Позенера, вынесенный им для царя: «Его роль, пассивная и косвенная, радикальным образом отличается от роли божества (с. 37)», по мнению Г. Кееса, «мог бы быть применен с соответствующими изменениями и по отношению ко всем богам в сотворенном богами мире» [336, с. 478]. «Двойственность в божественном фараоне П[озенер] увидел, таким образом, правильно, однако отличие (фараона.— *И. С.*) от египетских богов, вытекающее из идеалистического требования, предъявляемого к божеству, является преувеличенным» [336, с. 478].

По-видимому, не без влияния идей Ж. Позенера и З. Моренц стал вскоре развивать тезис о том, что постепенное умаление (в суждениях древних египтян) божественности фараона привело в итоге к следующему: последний вообще перестал восприниматься в качестве бога какого-либо достоинства, превратившись в глазах своих подданных в простого получателя божественных приказов, как некий, отделенный от божественного мира «образ», «отражение» (Bild, Abbild) абстрактной, трансцендентной божественной сущности [422, с. 34, 36, 43, 47—49, 53—54, 58—60, 62—63, 73, 97, 138; 423, с. 7, 13, 15—16, 18—19, 21—26, 28—30, 34—39, 47—48].

С подобным выводом З. Моренца нам трудно согласиться, поскольку он, как мы полагаем, излишне абсолютизирует значимость одной определенной тенденции в развитии древнеегипетских религиозных представлений. В богословских, жреческих построениях о божестве, особенно позднего времени, действительно отразилась тенденция к пониманию божества как некоей извечной, исключительной, безначальной, вездесущей, универсальной, непостижимой, абстрактной и трансцендентной силы.

В одном гимне Амуну действительно утверждается: «Дух твой на небе, чтобы возвысить твое сияние. Тело твое в преисподней, дабы скрыть твою сущность. Статуя твоя на земле, ею восхваляется и прославляется имя твое» [85, II, с. 40]. Это может свидетельствовать о наличии у автора гимна представления о вездесущности и, следовательно, абстрактности, трансцендентности природы божества. Однако нельзя забывать, что тенденция, о которой мы сейчас говорили, была непоследовательной и эклектичной. В значительной мере она была плодом ученой, жреческой схоластики, доступной лишь немногим, избранным. Подобная тенденция не была усвоена и воспринята массовым религиозным сознанием, и, во всяком случае, она [С. 175] не могла уничтожить то очень древнее, несколько примитивно и наивное представление о фараоне — божестве, «сыне» божественных «родителей», которое, имея явно политический оттенок и потому пропагандируясь, пережило тысячелетия фараоновского периода древнеегипетской истории и, мирно сосуществуя с различными утонченными схоластическими, теоретическими изысканиями, показало свою жизненность и во времена Птолемеев и римских цезарей.

Итак, мы полагаем, что, чем больше прославлялся Амун-Ра, тем, в сущности, выше поднимался авторитет и его «сына» — земного властелина. Если же в фиванской доктрине амунократии, которую стали пропагандировать во времена Рамсеса XI. Херихора и его наследника Пианха, мы сталкиваемся с чем-то совершенно иным, то для этого, конечно, требовалось воздействие определенных факторов. К рассмотрению этих факторов мы и перейдем.

Мы уже обращали внимание на то, что в тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ» фараон, все еще считавшийся главой Египта, скорее всего фараон Рамсес XI, упоминается как-то вскользь, только под своим «Горовым» именем Хаемуаса⁶⁸.

Конечно, это не случайность для памятника, написанного с позиций доктрины амунократии. И все же некоторая специфичность тех строк «Путешествия», в которых упоминается Хаемуас, не может не привлечь пристальное внимание. Дело в том, что в них пренебрежительное отношение Ун-Амуна к Хаемуасу (фараону) выражено в очень уж сильной и откровенной форме.

Ведя не слишком дружественную беседу с Ун-Амуном, правитель Библа Чакар-Баал говорит: «(2, 50) „Не ходи смотреть на ужас моря: если ты будешь созерцать ужас моря, то уз(2, 51)ришь и мой собственный. Воистину я не сделал тебе того, что сделали с посланцами Хаемуаса, когда они провели 17 лет (2, 52) в этой стране: они умерли (в) своих местах (заключения?)”. Он сказал своему кравчему: „Возьми его, пусть он увидит их могилы, в которых они покоятся”».

Возражая Чакар-Баалу, Ун-Амун отвечал: «Не принуждай, чтобы я увидел это. Что же касается Хаемуаса, то люди те, которых он послал тебе в качестве посланцев, ведь он (только) человек (2, 54) сам⁶⁹. Ты не имеешь (здесь перед тобой) одного из его посланцев...» [40, с. 31, 130].

Сделанное Ун-Амуном утверждение, что Хаемуас (т. е. фараон) всего лишь человек, выглядит, как нам представляется, слишком резким и кощунственным даже в свете фиванской доктрины о господстве над всем миром Амуна-Ра — единственного подлинного властителя Египта⁷⁰. Для подобного утверждения требовалось воздействие вполне определенных, прежде всего политических, причин, учитывать которые в данном случае, по нашему мнению, совершенно необходимо⁷¹.

Нужно помнить, что Херихор домогался царской власти (и [С. 176] даже объявил себя фараоном в некоторых текстах и записях) при жизни и в годы царствования так и не низложенного им Рамсеса XI и потому ему было выгодно всячески отрицать наличие каких-либо особых преимуществ, и прежде всего, естественно, божественных качеств, у того фараона, правление которого он пытался игнорировать.

В противовес традиционному и, во всяком случае, массовому представлению о божественном величии фараона, «сына» всех богов и богинь мироздания, Херихору было выгодно поддерживать другой тезис — о верховном владычестве Амуна и о праве на земное царствование в Египте только того, кто был особенно близок к Амуну не просто как его «сын» (таким издавна скитался каждый фараон), но главным образом как его верховный жрец. Иными словами, для Херихора политически целесообразно было утверждать, что не каждый фараон имеет право на царствование; даже будучи сыном Амуна (и других богов и богинь), фараон остается просто человеком, не обладающим какими-либо особыми преимуществами, если при этом он к тому же не является «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов; только такой фараон, «сын» Амуна (и других богов и богинь), достоин престола, который одновременно выполняет функции верховного жреца Амуна⁷².

В двух основных, явно необычных царских, заключенных в текстах в картуши именах Херихора отразилась, по нашему мнению, именно такая точка зрения. В самом деле, если в одном имени Херихор называется «сыном Амуна» («Сын Амуна Херихор»), то в другом он провозглашает себя верховным фиванским жрецом («Первый жрец Амуна»). Таким образом, получается, что, как истинный фараон, Херихор не просто «сын» Амуна, но он к тому же и «первый жрец» последнего, именно это и дает Херихору право (хотя бы только в стенах переднего двора храма Хонсу и в заупокойных текстах, принадлежавших его жене) игнорировать царствующего Рамсеса XI — всего лишь «сына» Амуна, но не его «первого жреца».

Высказанное суждение, полагаем, хорошо объясняет как политический смысл отрицания Ун-Амуном (по-видимому, солидарным в этом отношении с Херихором, его господином) божественности Хаемуаса (Рамсеса XI), так и ту причину, которая заставляла и самого Херихора, и его современника Несубанебджеда (Смендеса) и преемников их обоих обзавестись жреческим званием «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов: если традиционная доктрина о божественной природе фараона несостоятельна и фараон, даже будучи «сыном» Амуна (и других богов и богинь Египта), всего лишь человек, то тогда только наличие титула верховного жреца Амуна-Ра является наиболее веским основанием для обладания царским престолом. Занимая этот престол, фараон — верховный жрец Амуна-Ра правит как бы от имени и по поручению своего божественного «отца» — единственного и полного властителя Египта. Херихору необходимо [С. 177] было отрицать божественную сущность Рамсеса, XI, ибо только таким способом, так и не низложив последнего Рамессиды, он мог (правда, полулегально) заявить о своем желании стать «настоящим» фараоном, ничуть не менее законным, чем тот все еще правивший Рамсес XI, которого он «лишил» его основного преимущества — его божественности⁷³.

Все сказанное нами сейчас определяет отношение к Рамсесу XI как Херихора, так и его наследника Пианхи, в правление которого была осуществлена запись «Путешествия Ун-Амуна в Библ».

Дошедший до нашего времени текст (единственный) «Путешествия» является скорее всего копией с первоначального официального отчета Ун-Амуна. Само «Путешествие», как нам известно, началось в 5-й год эры «Повторения рождений», а длилось оно, во всяком

случае, больше одного года. Иными словами, Ун-Амун вернулся в Египет где-то в самом конце 6-го или даже в 7-й год эры «Повторения рождений». Между тем в 7-й год этой эры (в 25-й год царствования Рамсеса XI) Херихор умер, и, таким образом, и первоначальный отчет Ун-Амуна, и тем более литературно обработанная его копия скорее всего должны были быть составленными, записанными и переписанными уже после смерти Херихора, в годы правления в Фивах Пианха.

О Пианхе известно немного. Если он унаследовал от своего предшественника жреческий титул фиванского «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов, то на царский титул Херихора он претендовать не отважился. В отличие от Херихора и своего сына Пиноджема I Пианх нигде и никогда не называет себя фараоном. Вряд ли это случилось из-за природной скромности наследника Херихора. Скорее здесь следует предполагать противодействие если не со стороны самого достаточно безвластного Рамсеса XI, то со стороны тех, кто стоял за спиной последнего Рамессиды, возможно, что таким противником Пианха оказался правитель Нижнего Египта Несубанебджед. Как бы там ни было, враждебное отношение Пианха к Рамсесу XI могло найти дополнительный стимул в неспособности Пианха довести до победного конца то дело, которому были отданы честолюбивые помыслы Херихора. Враждебное отношение Пианха к Рамсесу XI было совершенно естественно неоправданно, и мы в источниках действительно находим об этом свидетельства. Так, в одном из своих писем (Pap. Berlin, № 10487) Пианх, упоминая Рамсеса XI, выражается о нем в весьма пренебрежительном и даже оскорбительном для царствующего фараона тоне: «Что касается фараона, ж.н.з., то как достигнет он этой земли? И над кем фараон, ж.н.з., еще главенствует?» [171, № 21; 563, № 21]. При таком отношении к Рамсесу XI неудивительно, если дошедший до нас текст «Путешествия Ун-Амуна в Библ», записанный скорее всего уже во времена Пианха, получил направленность сугубо антирамессидовскую. Все это [С. 178] вносит дополнительный штрих в сделанный ранее вывод о политической подоплеке резкого и категорического отрицания божественного достоинства Хаемуаса (Рамсеса XI) в тексте «Путешествия».

Подводя же общий итог нашим рассуждениям, можно отметить следующее: давно развивавшаяся фиванская религиозная и политическая доктрина, провозглашавшая господство над миром Амуна-Ра, царя богов, единственного подлинного властелина Египта (доктрина амунократии), получила особую остроту и антирамессидовскую направленность при Херихоре и Пианхе потому, что Херихор и его преемник рвались к царскому престолу в годы жизни и правления Рамсеса XI — того фараона, которого ни отстранить от верховной власти, ни пережить они так и не смогли⁷⁴. [С. 179]